

Сергей Герасимов

Часть той силы

Сергей Владимирович Герасимов
Часть той силы

Авторский вариант
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156435

Содержание

1. К вечеру...	4
2. Лето...	7
3. Еламово...	9
4. Дед...	11
5. Жало...	14
6. Тайна...	17
7. Жизнь...	20
8. После захода солнца...	25
9. Полярная...	29
10. Что это?..	31
11. После этого...	35
12. Этим утром...	37
13. Сюрприз...	41
14. Рука...	44
15. Замок...	46
16. Это...	49
17. Вернуться до заката...	51
18. Ночь...	53
19. Уйти...	55
20. Они...	57
21. Гости...	59
22. Чижик...	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Герасимов

Часть той силы

Фауст:

Ты кто?

Мефистофель:

Часть силы той, что без числа

Творит добро, всему желая зла.

Гете. Фауст.¹

1. К вечеру...

К вечеру температура поднялась до плюс шести; и это было то, что надо: когда снег растает, не останется никаких следов. Лучшей погоды для убийства и придумать невозможно. Сек густой ледяной дождь, временами, всего на несколько секунд, он превращался в снегопад, плотный, как облако; тогда громадные снежные хлопья мягко облепляли лицо; Василий сбрасывал перчатку, неловко тыкал ее в карман и быстрым нервным движением пытался вытереть щеки. Капли стекали за воротник.

В его душе был ужас; такой ужас, что он с трудом понимал, что он делает, и как он здесь оказался. Он действовал как автомат; даже не как автомат, – всего лишь как заводная игрушка, у которой никак не закончится завод. Пройдет всего несколько минут, и он убьет человека. Он убьет человека! Он чувствовал, как зубы начинают стучать.

– Боишься? – спросил Рустам. – Брось, успокойся, дурак!

– Можно подумать, что ты не боишься.

– Не трусь, никто ничего не узнает. На завтра обещали плюс двенадцать. Все растает. Следов не будет, а раньше весны его никто не найдет. Это самый лучший способ спрятать труп!

– Не в этом дело.

– В этом! Здесь возле берега подо льдом камыши, а за ними сразу глубина. Машина быстро пойдет на дно, а до дна метров пять, и там полно грязи и водорослей.

– Ты уверен, что она утонет?

– Она же железная, куда она денется! А к весне от этой мрази останется только скелет. Может быть, его вообще не найдут. Кто же сюда сунется! И уж точно, никто не узнает, когда и в какой день мы его убили. Поверь, я знаю, как эти вещи делаются.

– Ты говорил мне это уже сто раз! – огрызнулся Василий.

– Двести. А ты все еще боишься.

– Даже если никто его не найдет, даже если нас никто не заподозрит, все равно, ведь мы его убили.

– Ну и что? – не понял Рустам.

– Не знаю что! Если бы все было так просто! Ушел под воду, и нет его. Если мы его утопим сегодня, он же не исчезнет просто так. Он навсегда с нами останется. Я буду есть, буду спать, буду радоваться или смотреть телевизор, а он будет все время рядом, будет заглядывать мне в рот, будет смотреть фильм вместе со мной, будет отравлять мою радость. Потому что я буду знать, что я его убил, ты понимаешь? Я сделал это! После этого он не даст мне жить. Я уже никогда не буду жить нормально. Он будет висеть на мне как камень!

– Это пройдет, – сказал Рустам. – Не думай, что я не понимаю. Я видел смерть, и видел тех, кто убивает. Убивать – это грех. И если есть Бог, то он все видит и все помнит. Когда я убью эту сволочь, я стану ходить в церковь каждую неделю. Я буду просить у Бога прощения.

Он же прощает все грехи, значит, простит и меня. Но пойми, почему я это делаю: в сердце я знаю, что я прав. Я знаю, что это убийство, именно это, на самом деле не грех, это добро. Эта тварь должна быть убита.

– Грехи, может быть, и прощаются, – сказал Василий, – но вина все равно остается. Мою вину мне никто не простит. Вина – если она есть, то она есть, ты от нее никуда не денешься. Она так же реальна, как ты или я, как это озеро. Я не смогу с этим жить.

– Хватит базикать, – сказал Рустам и открыл дверцу машины. – Чем быстрее мы его кончим, тем лучше будет для всех. Вспомни, что он сделал с твоей девушкой.

Рустам был коротким и плотным мужичком, будто сплюсненным по оси игрек. К тридцати годам у него уже почти не осталось волос, а рот был полон вставных зубов. Его лицо и голос всегда были спокойны, что бы он ни делал, и о чем бы он ни говорил, но порой это было страшное спокойствие, черное и тягучее, как жидкая смола. Это был человек, способный на все. Когда Василий говорил с ним, у него всегда было странное чувство, напоминающее чувство человека, наклонившегося над краем пропасти.

Рустам снова вышел из машины.

– Что с ним? – спросил Василий.

– Спит, сволочь.

– Конечно, спит. Ты же накачал его таблетками. Ты хоть знаешь, что это было?

– А зачем мне знать? Колеса какие-то. Он же давно на таблетках сидел. Сегодня он принял дозу, большую, чем всегда, вот и все. Пульс медленный, но бьется. Я на шее нащупал. Значит, пока живой.

– Он бы все равно скоро умер, – тихо сказал Василий. – Наркоманы долго не живут.

– Точно. Поэтому не волнуйся. Все будет okay.

До полыньи было метров сто или сто пятьдесят. Полоска черной воды перерезала белую поверхность озера наискосок. Видимо, какой-то местный заводик спускал в озеро теплые стоки. Идея была в том, чтобы пустить машину по льду в сторону полыньи. Она обязательно провалится под лед. В свое время озеро притягивало купальщиков и рыбаков, но вот уже три года, как его берега оставались безлюдны, и летом, и зимой. Вода стала слишком грязной, вся рыба сдохла, озеро превратилось в большой отстойник. Вполне возможно, что машину, затонувшую далеко от берега, вообще никогда не найдут. Как и того человека, который остался внутри машины.

– Меня другое бесит, – сказал Рустам, – Эта падаля спит и ничего не соображает. Он даже не знает, что должен умереть! Мы накачали его дурью под самую макушку, а он теперь спит и улыбается. И он умрет спокойно. Он никогда не узнает, что мы его убили. Это неправильно, он должен обмочиться от страха, должен биться головой об железо, весь раскровяниться и умолять меня, он должен понять, что мы с ним делаем. Он должен понять, кто его казнит и за что. И когда он все поймет, я плюну ему в рожу. А он просто спит. И при этом улыбается.

– Что ты предлагаешь?

– Да ничего. Я сейчас в машине попробовал сдвинуть ему горло и подержать чуть-чуть. Он перестал дышать и сразу начал синеть. Но он не проснулся и не перестал улыбаться, гадина. Я отпустил, и он стал дышать опять. Ничего не поделаешь, придется ему умереть во сне. Судя по улыбке, ему снятся приятные сны. Это лишает меня всякого удовольствия, ты понимаешь? Я вспоминаю, что он сделал с моей сестрой, и понимаю, что это никакой не грех, что мы сейчас делаем. Наоборот; это добро, это поступок благородных людей. Она была такой молодой, и все впереди, она хотела жить, и он ее убил. Теперь он умрет, клянусь своей матерью. Будь моя воля, я бы устроил ему страшную смерть, я бы, я не знаю... Интересно, что ему снится?

Василий посмотрел в даль, полную ледяной падающей воды, и поежился. Его куртка уже давно была мокрой насквозь. Его зубы стучали не только от страха, но и от холода. Холод был везде, от холода не было спасения.

– Наверное, ему снится хорошая погода, – сказал он. – Ему снится лето.

2. Лето...

Лето выдалось жарким и сухим. Несмотря на сушь, в лесах под Еламово было полно грибов. Еламово – вообще странный городок, нельзя сказать, чтобы странный во всех отношениях или таинственно странный, скорее, пропитанный насквозь неким неуловимым духом странности, что часто отмечалось разным проезжим людом.

Четыре пацана – Витька, Женька и два Сережки – возвращаясь из лесу, забрели в пустой, по причине межсезонья, лагерь. Лагерь работал всего четыре месяца в году: в периоды пика сельскохозяйственной активности сюда наезжала городская безработная молодежь. Все остальное время здания стояли безлюдными, покинутыми; ржавые остовы палаток, серые деревянные сараи, разбросанные здесь и там обломки простой мебели, – все это выглядело бы уныло, если бы не свежая трава, торчащая повсюду роскошным шелковистым ворсом.

Первым делом пацаны подошли к сараям, примериваясь, что бы украсть. Наверняка в лагере был сторож, и наверняка всего один, так что попробовать стоило.

– Че, свернем замок? – предложил Женька.

В сараях, скорее всего, ничего не было, кроме разобранных железных кроватей, столов и горы вонючих матрасов, но сама возможность что-то украсть будоражит сердце, заставляя его биться быстрее.

– Свернем, только чем? – ответил Витька. – Найти надо шо-нибудь железное.

– Да там брать нечего, – засомневался один из Сережек.

– Не возьмем, так погуляем, – ответил другой и щелкнул зажигалкой.

Женька первым увидел животное и принял его за собаку.

– Смотри, какой песик! – сказал он. – Это щенок, давайте словим.

Животное и в самом деле напоминало небольшую рыжую собаку с острой мордочкой и пушистым хвостом. Пацаны осторожно зашли с разных сторон. Животное не проявляло никаких признаков тревоги.

– А ты уверен, что это щенок?

– Точно, – сказал Серега, – токо я не помню, как порода называется. Толян такую в городе видел, и мне рассказывал. Стоит жуткие бабки, триста баксов щенок. Правда, им надо хвосты рубить, этот еще не обрубленный.

Все уважительно помолчали, представив себе триста баксов.

– Путь только кто попробует его упустить, – тихо сказал Женька, – задущу своими руками.

– Считаю, что он у нас в кармане.

– Я его первый увидел!

– Ну и флаг тебе в жопу! Делиться будем поровну.

Когда пацаны подошли близко, животное припало на передние лапы и закрыло глаза. Казалось, что оно хочет играть. Один из Серег протянул руку, чтобы погладить животное, и едва успел ее отдернуть.

– Ах, ты, ..., – выругался он, – чуть палец не откусила.

– Пацаны, это не щенок, это лиса, – догадался Женька. – Она же кусючка, злая, стерва! Давайте ее уьем!

Его душила злоба из-за денег, которые ушли прямо из рук.

Идея всем понравилась, тем более, что лису стоило наказать за хамское поведение. Пацаны оттеснили ее в щель между бетонными плитами и стеной сарая. Деваться зверю было некуда. Женька взял несколько обломков кирпича, длинную палку, и влез на плиты. Затем стал швырять кирпичи, целясь в голову животного. Животное скалилось и рычало.

Оно било хвостом, как разъяренная кошка. Женька попытался попасть острым концом палки в глаз зверя. Один из Сережек встал рядом, чтобы помочиться на лису сверху. Женька оттолкнул его.

– Идиот, шкурку испортишь! Ее продать можно! – закричал он.

– Ниче, постираешь! И вообще это не лиса, это выродок какой-то. У лисы хвост волосатее, я в зоопарке видел.

– Значит, она облезла с голодухи!

В этот момент произошло то, чего никто не мог ожидать. Лиса вцепилась зубами в палку и дернула ее; Женька потерял равновесие и свалился вниз; сразу же он завизжал, как недорезанная свинья. Лиса перепрыгнула через него, вскочила на плиту, порвала куртку Сереге и скрылась в лесу. Женька продолжал визжать; кровь фонтаном хлестала из культи руки. Животное откусило ему правую кисть чуть повыше запястья. Кусок руки со скрюченными пальцами валялся здесь же. Одного из пацанов стошнило на месте; другой бросился бежать и, к счастью для всех, наткнулся на пьяного сторожа.

– Это не лиса, не лиса, не лиса! – орал он и бил ногами в истерике.

Сторож ничего не понял, но на всякий случай, запер мальчика в каморке, а потом отправился посмотреть, в чем дело. К его появлению Витька уже сбежал, а мальчишка без руки потерял сознание. Увидев, что творится, сторож сразу же протрезвел, выдернул ремень из брюк и соорудил жгут, чтобы остановить кровь. Как оказалось впоследствии, он успел в самый последний момент. Витька бежал без передышки до самого города; выбегая на шоссе, он споткнулся, упал и разбил лоб о металлическую подставку щита с радостной надписью: "Добро пожаловать в Еламово!"

3. Еламово...

– Еламово, знакомое название, – сказала Рита, – слушай, это город или село? Где я слышала это слово?

– От меня и слышала, – ответил Ложкин, – в этом городе я родился. Я же тебе рассказывал. Почему ты спросила?

– Вот в газете пишут. Лиса напала на детей и откусила одному руку. Как лиса может откусить кому-то руку? Это же не крокодил. Этого не может быть!

– Значит, дети были маленькие. И потом, я скорее поверю в Бабу-Ягу, чем в то, что пишут газеты.

– Написано, что это были школьники. А еще пишут, что за последний год в тамошних лесах пропало тринадцать человек. Подозревают, что на детей напала не лиса, а что-то другое. Дикая собака или волк. Это может быть? Там, что, до сих пор водятся волки?

– В Еламово все может быть, – ответил Ложкин. – Места там отличные, невероятная природа. Насчет зверей я ничего не скажу, водятся разные, но я сам видел акацию, шипы которой были длиной с мой указательный палец. Вот такие, примерно.

– Может быть, радиация? – предположила Рита.

– Вряд ли. Химическое заражение, это может быть. С химией там всегда было неблагоприятно. Что еще пишут в той статье?

– А ты же не веришь, зачем тебе?

– Чтоб укрепиться в своем неверии.

– Пишут разное тра-ля-ля, как всегда, а вот еще, написали, что в твоём Еламово самый низкий в стране процент самоубийств и самое большое количество мальчиков на тысячу новорожденных. Пишут, что это непонятно.

– Мальчики это хорошо, – ответил Ложкин. – Девочкам больше любви достанется. А в жизни многое непонятно, потому интересно жить. Что тебе снилось? Ты всхлипывала во сне и пицала как больная мышка. Я даже хотел тебя разбудить, да заснул.

Было около семи утра. Рита только что встала и сейчас стояла у окна со свернутой газетой в руке, одетая лишь в короткий, пронизанный солнечным светом, халатик, с распущенными волосами. Ложкин любовался ее фигурой, не столь совершенной, как у кинозвезд, но все же основательно притягивающей мужской взгляд.

– Снилось что-то ужасное, – ответила она, – белиберда, но хуже всего, такая реальная, что я до сих пор не могу отделаться от чувства... Никто же не знает, что такое сны. Может быть, это не просто изнанка воображения, может быть, мы видим что-то настоящее, но видим смутно? Как будто...

– Угу, как курица в темноте, – ответил Ложкин. – Ты сегодня еще красивее, чем всегда. Я хочу поцеловать солнце в твоих волосах. Иди ко мне.

– Нет, вряд ли, – не согласилась Рита сама с собой. – Я, например, обожаю бильярд. И в моих снах всегда множество бильярдных столов. Не может быть, чтобы кто-то построил мир, в котором так много бильярдных столов.

– Значит, ты сама его и построила, – сказал Ложкин. – Ты любишь бильярд, а твоя любовь поэтому строит миры, где много бильярда, вот и все. Должен же кто-то быть богом, в конце концов, так почему бы не ты?

Она задумалась, отвернулась от окна, положила газету и наморщила лоб.

– Но мне ведь снился кошмар! То, что я видела сегодня, создано не любовью, а моей виной. Если я сотворила такую вселенную, то лучше бы я вообще не рождалась на свет.

– Да не обращай внимания. Я просто сказал чепуху.

– Само собой, как всегда. А что снилось тебе?

– Как ни странно, но тоже превосходный кошмар. Дело было так: я убил девушку, а ее брат и жених решили убить меня. В плане мести. Накачали наркотиками, запихали в машину и пустили по льду озера к полынье. Ужасная погода, льет холодный дождь, я убийца, и меня казнят. Представь, никакого спасения быть не может. Сплошная глушь, и приближается ночь. Жить осталось мне только несколько минут. И главное, я оказываюсь таким негодяем, что убить меня на самом деле нужно. Просто необходимо, сам бы такого себя убил, если б встретил. Я даже помню, как их звали, не помню только имени девушки.

– О! И что дальше?

– А ничего. Проснулся на самом интересном месте. От того, что солнце било прямо в глаза. Ночью я сбросил одеяло и замерз, поэтому снилась зима.

– Как их звали? – спросила Рита.

– Убийц? Брата девушки звали Рустамом. Урод, я скажу тебе, был отменный. Хорошо, что сон это всего лишь сон. В жизни не знал никого с таким именем. И, что особенно интересно, этот сон я уже вижу в четвертый или пятый раз. И каждый раз мне показывают следующую серию. Можешь себе такое представить? Дай мне газету.

Он прочитал короткую заметку, но не нашел в ней ничего нового.

– Ты долго жил там, в Еламово? – спросила Рита, подошла к зеркалу и стала неторопливо расчесывать волосы.

– Жил там лет до восьми, а потом приезжал каждое лето, на пару месяцев. Уже давно не был, но до сих пор тянет. Это родина, не большая и общественная, как платный туалет, а настоящая. Каждый год мечтаю вернуться, заехать хоть на недельку, но не до того. Поначалу там оставалось много родни, а теперь живет только дед, и тот скоро умрет. Ему уже за восемьдесят. Крепкий старик, но начал слабеть умом.

– Впал в детство, да?

– Считает себя колдуном или шаманом.

– Ну, сейчас это модно, – сказала Рита и поморщилась, потянув расческой спутанные волосы, – сейчас это даже хорошо. Можно деньги зарабатывать. Он лечит кого-нибудь?

– Не имею понятия. Кстати, недавно он звонил и обещал приехать в четверг.

– Какой сегодня день?

– Четверг.

– Оптимальненько, – ввернула Рита свое любимое словцо. – Если он колдун, то пусть выведет мне бородавку на шее, твой сумасшедший дед.

4. Дед...

Дед действительно приехал в тот же день, еще до того, как они закончили завтракать. Несмотря на жару, он был в плаще. В правой руке он нес большую сумку, а левую держал в кармане.

Дед вошел в комнату и расположился за столом. Он выглядел старым, таким старым, как никогда раньше. Прошло девять лет со времени его последнего приезда, значит, сейчас старику должно быть восемьдесят два. Но в тот день дело было не только в возрасте.

– Я что, просил тебя на меня пялиться? – негромко, но жестко сказал дед. Дед всегда был тем человеком, которому подчинялись с полуслова.

– У вас же кровь на лбу, – сказала Рита. – Я подумала, что надо бы...

– Женщина пусть уйдет, – сказал дед. – У нас будет семейный разговор.

– Куда это я должна уйти?

– Домой. Насколько я понимаю, ты живешь в соседней квартире, а к моему внуку приходишь только, чтобы переспать. Поэтому уйти тебе будет нетрудно.

– Полегче, пожалуйста, – сказал Ложкин. – Это все же моя жизнь, и влезать в нее никто не будет. Даже вы. При всем моем уважении.

– Да неужели? – ухмыльнулся дед.

– Как он со мной разговаривает? – возмутилась Рита.

Дед сделал такое движение рукой, будто бросал в нее щепотку соли. Рита сразу поперхнулась и замолчала.

– Ты сейчас просто уходишь, – сказал он, – иначе вместо одной бородавки на шее у тебя вырастет три.

– Ты никуда не уйдешь, – сказал Ложкин.

– Да пошли вы все к черту!

Дед продолжал сидеть молча и неподвижно, ожидая, пока Рита уйдет. Наконец, замок щелкнул и он впервые пошевелился.

– Кровь на лбу? – сказал он. – У меня не только кровь на лбу. У меня выбиты четыре зуба и сломана рука. Если честно, то еще отбиты почки, печень и имеется отличное сотрясение мозга. Такое, что ты на моем месте уже давно был бы трупом. Смотри.

Дед уверенным движением вытащил правой рукой левую, закатил рукав зеленой рубахи, и Ложкин с отвращением и почти с тошнотой посмотрел на страшно раздувшееся синее предплечье, неестественно изогнутое, с кожей, из-под которой явно выпирал осколок кости.

– Видел?

– Это серьезно. Вам надо в больницу.

– Да в гробу я видел твою больницу, – ответил дед. – Это все равно уже не заживет. Лучше принеси выпить за встречу. Возьмешь у меня в сумке, там есть пузырек. Не забудь стопки и графин. Из бутылки наливать не будем, пока я жив.

Дед вздохнул, поднял на Ложкина живые молодые глаза, такие же молодые, как и раньше.

– Это все ерунда, малыш, – сказал он, – просто встретил в поезде двух – трех хулиганов, которые не захотели уступить мне дорогу.

Затем они выпили, как всегда при встречах, выпили из желтого фамильного графина. Дед уверенно разливал жидкость в микроскопические стопочки, а Ложкин наблюдал, как стопки наполняются до самых краев, так, что больше ни капли в них не помещалось. Этот фокус с наливанием до самого края восхищал Ложкина еще в детстве, годков с четырех, когда он впервые увидел фамильный графин, появлявшийся только на семейных праздни-

ках и встречах гостей. В то время семья была велика, а дед был таким же, как и сейчас, большим и очень властным человеком, иногда несправедливым до слез и всегда страшным. Его боялись даже животные, – даже чужие собаки никогда на него не лаяли. Дед до сих пор оставался главой семьи, хотя семьи больше не существовало. Впрочем, семья Ложкиных жила независимо от людей: люди появлялись и уходили, рождались и умирали, уезжали в дальние страны, бывали прокляты и отвергнуты, порою сами забывали семью, которая все равно оставалась все той же, неизменной, нерушимой, почти волшебной семьей Ложкиных, и, казалось, что она останется жить даже тогда, когда ни одного из Ложкиных не останется на свете.

Они выпили и съели разную мелочь, залежавшуюся в холодильнике; дед, как всегда, ел очень мало, оставляя свое тело сухим и сильным, напряженным и, как помнил Ложкин из детства, твердым, как железо. Раньше дед был невероятно, нечеловечески силен, так что хулиганов, которые не додумались бы уйти у него с дороги еще лет десять или пятнадцать назад, можно было лишь пожалеть; они поели, и дед спокойно сообщил Ложкину, что скоро умрет.

Ложкин возразил, но дед отмахнулся от его возражений, как от лепета младенца.

– Ты лучше слушай, что я говорю, – сказал он. – Мне осталось жить не больше двух дней. Похоронишь меня здесь, деньги на похороны я привез. И не только на похороны, ты ведь человек не богатый. Ты кем работаешь? Да, впрочем, все равно.

– Почему же все равно? Я инженер. Электронщик. Но сейчас в отпуске за свой счет.

– Затем я и приехал, – продолжал дед, будто не слыша его слов, – не хочу, чтоб меня хоронили в Еламово. Особенно плакать по мне не надо, все там будем, это нормально. Людидохнут как мошки, а на следующий день их уже никто не помнит. И согласишься, ты меня никогда не любил. Не возражай, я знаю. Меня никто не любил. Я в своей жизни успел все, что мог успеть. Может быть, это избавление.

– Избавление от чего? – спросил Ложкин.

– А это не твое дело, малыш. У всех нас есть много чего на совести, правда?

Ложкин промолчал.

– А потом, – продолжил дед, – потом, может быть, я еще и вернусь. Если ты мне поможешь. Выпьем за это.

– Оттуда не возвращаются.

– А ты мне не перечь, – тихо сказал дед. – Это другие не возвращаются, а я вернусь! Если и не с божьей помощью, то хотя бы с твоей. Я знаю, что ты поможешь. Но только попробуй мне что-нибудь сделать не так... Не дай Бог тебе сделать что-нибудь не так! Из-под земли встану и на кусочки разорву. Ты меня знаешь, я обещаниями на ветер не бросаюсь.

Он налил себе еще стопку.

– Вы полегче-то с обещаниями, – возразил Ложкин. – Особенно с такими. А то как бы хуже не получилось. Уже были такие, кто собирался на кусочки рвать, и где они теперь?

– Сейчас ты будешь молчать, а я буду говорить, – перебил его дед. – Поэтому слушай меня очень внимательно. Так внимательно, как никогда в жизни никого не слушал. Я умираю не навсегда. Я вернусь! Ты понял?

Ложкин решил не возражать, но выражение лица его выдавало.

– Ладно, раз ты мне не веришь по-хорошему, – сказал дед, – то поступим по-другому. Видно, по-плохому будет лучше. Принеси сумку сюда.

Ложкин подтащил к столу сумку, которая оказалась на удивление тяжелой. Дед порывшись в ней и достал коробочку из белой пластмассы. В коробочке была вата, а на ней лежало нечто, отдаленно напоминающее две фаланги отрезанного пальца, но только без ногтя.

– Что это? – спросил Ложкин.

– Что, испугался? Правильно испугался, малыш. Это вещь страшная, просто жуткая. Это жало.

5. Жало...

– Жало? – не поверил Ложкин. – Каких же размеров была пчела?

– Это была не пчела, – ответил дед, – это было особенное насекомое. А сейчас ты почувствуешь его жало на своей шкуре.

Он встал и аккуратно вложил сломанную руку в большой карман плаща. Затем решительно двинулся к Ложкину.

– Сейчас я все-таки вызову врача, – сказал Ложкин, но в этот момент дед так сильно толкнул его, что он едва устоял на ногах. Удивительно, сколько силы еще сохранилось в этом старом теле.

– Сейчас я сам за врача, – сказал дед. – Сюда иди!

– А вы еще ничего, в форме, – признал Ложкин. – Но боюсь, что сотрясение мозга мешает вам понимать суть дела. Мне связать вас, или как?

– Попробуй.

– Вы ставите меня в неудобное положение. Я не умею драться со стариками.

– С однорукими стариками, – уточнил дед и легким быстрым движением ткнул его в скулу. Зубы щелкнули, и в голове зазвенело. Удар был таким, будто двинули не кулаком, а стальной гирей.

– Попробуй, подерись, если сможешь, – говорил дед. – У нас в семье все сильные, может быть, у тебя получится.

Ложкин протянул руку, пытаясь схватить деда за плечо, но дед перехватил ее в воздухе и сжал своими пальцами с нечеловеческой силой, с силой стальных тисков. Суставы хрустнули.

– Что, не получается? – поинтересовался дед и начал пригибать Ложкина к земле. Через минуту беспомощный Ложкин уже стоял на коленях. Дед отпустил его, отошел, ногой подвинул стул к двери и сел на него.

– Люди не бывают такими сильными, – сказал пораженный Ложкин. Он пытался пошевелить пальцами. Даже легкое движение вызывало сильную боль, но, похоже, что кости остались целы. – Это невозможно!

– Это обычные люди не бывают, – ответил дед. – Ты меня с обычными людьми не равняй. Что тебе сломать, чтобы ты мне поверил? Руку, ногу, челюсть? Я могу тебя задушить двумя пальцами. Сила – это такая вещь, которую даже последний дурак понимает. Поймешь и ты. Сейчас возьми коробку с жалом и подойди ко мне. Если будешь сопротивляться, то тебе же будет хуже. Посмотри на это.

Дед достал из кармана медную монету и легко согнул ее пальцами, так, словно она была бумажной. Потом согнул ее вчетверо и бросил Ложкину. Тот с изумлением посмотрел на монету. Потом попробовал ее разогнуть и убедился, что монета настоящая.

– Фантастика, – сказал Ложкин. – Снимаю перед вами шляпу. Надеюсь, это фокус?

– Это демонстрация, – ответил дед, продолжая пристально смотреть на него. Он улыбался как-то криво и даже слегка смущенно. Видно было, что он искренне гордится тем, что делает.

Ложкин взял в руку коробку с жалом. Жало выглядело, мягко говоря, довольно неприятно.

– Что вы хотите с этим сделать? – спросил он.

– Я собираюсь сделать тебе инъекцию, – ответил дед, – всего лишь инъекцию. Никакого вреда для тебя не будет, могу поклясться матерью. Так что не волнуйся.

– Я должен знать, что это такое.

– Ничего ты не должен, – возразил дед. – Я же все равно тебя заставлю. Заставлю, как котенка.

– Нет, – сказал Ложкин. – Никто не может меня заставить. Допускаю, что вы можете задушить меня двумя пальцами, но заставить меня – это не в ваших силах.

– Точно?

– Точно.

Дед смотрел на него некоторое время, продолжая неприятно улыбаться.

– Молодец. Узнаю свою породу. Тогда, пожалуй, расскажу. Это жало одного забавного существа, которое вначале устанавливает контроль над человеком, а потом медленно поедает его. Поедает не сразу, а за много месяцев, и все это время человек остается жив и ни капельки не сопротивляется. Очень страшная штука, такая тебе и не снилась.

– Почему человек не сопротивляется?

– Потому что жало выделяет яд, который контролирует психику. Что-то вроде наркотика. Психологическая консервация живого мяса. Сейчас ты держишь в руках мертвое жало. Оно еще сохраняет остатки яда, несколько недель держит силу.

– Вы собираетесь меня съесть сырым? – пошутил Ложкин.

Дед ухмыльнулся шутке.

– Нет, малыш, мне нужен лишь хороший контроль над тобой. Я должен быть уверен, что ты выполнишь задание. Без всякой отсебятины и без собственных ярких идей. От этого зависит моя жизнь. После того, как я умру, ты должен вернуть меня к жизни. Ты должен действовать точно и спокойно, и тогда у тебя все получится. Сейчас ты просто выполняешь просьбу своего умирающего родственника, и ничего плохого в этом нет. Это даже благородно. Это нормально. Ты просто спасаешь мне жизнь, понял? Разве ты не хочешь спасти мне жизнь? Отвечай честно!

– Допустим. Допустим, хочу.

– И это единственный способ. Сейчас я сделаю тебе инъекцию, у тебя закружится голова, и пару минут ты будешь, как в тумане. Потом все вернется к норме. За эти две минуты я вложу в тебя программу действий.

– Я буду знать эту программу?

– Нет. Она останется в подсознании. Клянусь, что никакой уголовщины в этой программе нет. Тебе не придется делать ничего такого, что попадает под статью. Тебе не нужно будет поступать низко, подло или нечестно. Тебе не нужно будет идти против своей совести. Ты просто вернешь меня к жизни, вот и все.

– Это важно, – сказал Ложкин.

– Жало – превосходный стимулятор жизненных сил. Как женьшень, только в десятой степени. Ты скажешь мне спасибо, обещаю тебе.

Дед взял мерзкий предмет двумя пальцами, и жало разогнулось, ощутив прикосновение. Из одного конца выдвинулось что-то наподобие толстой нити или гибкой иглы. Жало все удлинялось и удлинялось.

– Лучше закрой глаза, – сказал дед, – для непривычного взгляда это не самое приятное зрелище.

Когда все было кончено, дед снова вложил жало в коробку, а коробку спрятал в сумку. Ложкин еще ощущал слабость во всем теле, но не такую слабость, какая бывает после болезни, а такую, какая бывает после долгого сна.

– Сейчас я открою тебе тайну, – сказал дед.

– Тайну?

– Не притворяйся идиотом. То, что я показываю тебе сейчас, это не фокусы. Я угадываю слова и желания твоей шлюхи, я сгибаю монету пальцами, наконец, я показываю тебе живое и действующее жало. Зачем я это делаю?

– Чтобы я поверил, – ответил Ложкин.

– Вот именно! Чтобы поверил, и чтобы понял серьезность моих слов. Или тебе показать более страшный фокус?

– Нет необходимости.

– То, что ты услышишь сейчас, – сказал дед, – ты не должен говорить никому, кроме своего прямого наследника, если такой появится. Тайна эта опасна, причем во многих отношениях. Эта тайна уже убила твою семью. От семьи остались лишь мы с тобой. Оглянись вокруг, нет никого, все уже на том свете! Куда делись все твои братья, дяди и тети, не знаешь? – их уничтожила тайна. И мы с тобой тоже надолго не задержимся. Это тайна, которая убивает. Не самая приятная тайна.

6. Тайна...

– Тайна, которая убивает, – сказал дед и опрокинул стопку в рот.

– Почему?

– Потому что все это и началось с убийства, вот почему. Тебе всегда нравился наш старый дом. Ты хорошо помнишь его, да?

– Лучше не бывает, – ответил Ложкин.

– Этот дом поставил мой прадед Василий. С Василия все началось. Однажды ночью к нему пришли гости. Он так часто мне об этом рассказывал, что я почти вижу это своими глазами. Он пересказывал мне все десятки раз, со множеством подробностей. Он безумно боялся, и пытался как-то защититься от всего этого. Во-первых, это была настоящая зимняя ночь, очень холодная. Холодная и ясная. Где-то после рождества. В эту ночь в его дверь постучались гости. Их было трое. И они были очень похожими на людей. Похожими, но не людьми.

– То есть? – удивился Ложкин. – Только не говорите мне о всякой нечисти, потому что разумные люди в это не верят. Вы мне рассказывали сказки в детстве, но я давно не ребенок.

– Ты прав. Я тоже не верю в нечисть, хотя меня и считают колдуном. Прадед Василий поначалу подумал, что то был дьявол, один в трех лицах, потому что все трое, включая женщину, говорили одинаковыми голосами. Так он мне рассказал. Но не думаю, что дьявол существует. Это был кто-то другой. Судя по тем вещам, что они имели с собой, люди им и в подметки не годились. Они были реальными существами, из плоти и крови. И они отличались от нас, как человек от обезьяны.

– Даже так? Это только сказка или есть доказательства?

– Доказательств так много, что скоро тебя будет от них тошнить.

– Допустим. Дальше?

– Гости были невысокого роста и очень худы. Они были одеты по-человечески, но слишком легко для зимней ночи. Сейчас уже не бывает таких снегов и холодов, какие случались в старые времена. Без валенок и тулупа люди элементарно замерзали насмерть. Дома заносило снегом по самые крыши. Еще я помню годы, когда птицы замерзали в лесах и во дворах. А река в феврале промерзала до самого дна. Однако гости имели лишь легкую одежду, и они не мерзли.

Василий пустил гостей в дом, накормил их и напоил самогоном. От самогона они воротили нос, но откушали. Жевать они вообще не могли. Губы на их лицах были не настоящими. Вместо языков они имели тонкие трубочки, через которые втягивалась жидкая пища. Что-то вроде палочного жала. Гости имели при себе подарки. Василий взял подарки и поблагодарил гостей. Он боялся и думал, что губит свою душу. Но подарки-то были такими, что отказаться он не мог. Поэтому он взял все и попросил еще кое-что.

– Что?

– А что бы попросил ты? Что бы попросил любой другой? Все мы скроены одинаковыми, малыш. Он попросил подарить ему золото. Очень много золота.

– Так просто? – спросил Ложкин.

– А как ты думаешь? Они удивились, но дали. Сделали ему золото сразу же, на месте, за минуту. И пообещали потом подарить намного больше. Сколько угодно золота. Но ему не нужно было сколько угодно, вот в чем дело. Он был человеком расчетливым. И он рассчитал правильно: одно дело, если подарками владеет только он, и совсем другое – когда то же самое есть у всех.

Гости собирались провести ночь в доме, а потом уйти в город. Василий уложил их спать, а когда они крепко уснули, убил всех троих. Он перерезал им глотки, и убедился, что

кровь их была светло-розовой, как будто разбавленной молоком. Он спрятал тела в подвале, продал часть золота, а потом построил новый дом. Построил его прямо над старым. Тот самый дом, который стоит до сих пор. Дом твоего детства.

– И в подвале?

– В подвале до сих пор лежат три скелета. Я их видел, они маленькие, будто детские. Ты их тоже увидишь. Поначалу они были завернуты в старые тряпки, а потом я упаковал их лучше, обернул пленкой. Тонкие кости. Не помню, сколько ребер, но больше, чем у нас. Я думаю, это все же были пришельцы. Кто же еще это мог быть? Я даже пытался изучать эти кости под микроскопом, но ничего не нашел. Я ведь не специалист. Я только понял, что кости очень легкие и намного прочнее, чем наши.

– Почему вы не похоронили их? – спросил Ложкин. – Хотя бы это можно было сделать? Это ведь прах разумных существ, это не животные. Можно было отнестись к ним по-человечески.

– Потому что они стоят миллионы долларов! Кстати, кое-кто мне уже предлагал нормальную цену. Может быть, они стоят сотни миллионов, если правильно продать. Они прекрасно сохранились. Каждая косточка на месте. Ты себе представляешь? Настоящие, на сто процентов достоверные скелеты!

– Но они подарили ему не только золото? – задумался Ложкин. – Что еще?

– А! Вот в этом-то все и дело. Ты увидишь сам. Они подарили очень много странных вещей, и это создало проблему. После того, как гости были убиты, дары превратились в проклятие.

– В проклятие?

– Это проклятие нашего рода. Мы владеем тайной, которая убивает нас. Убитые до сих пор мстят нам, и нет таких человеческих сил, чтобы скрыться от этой мести. У тебя было четверо братьев, – четверо! – но выжил лишь ты один. Все остальные умерли в младенчестве. У твоего отца был брат и две сестры, которые умерли малыми детьми. То же самое будет и с твоими потомками. Это наказание за то тройное убийство. Страшное наказание. Рано или поздно умрут все, и наш род прекратится.

– Подождите, – сказал Ложкин, – подождите. Но, когда отец бросил маму и ушел к той женщине, она ведь родила двоих детей, которые до сих пор живы?

– Точно. Твой отец ушел из семьи, и проклятие рода больше к нему не относится. Неужели непонятно? Все стараются уйти, но не у всех получается. Даже те, кто не знает тайну, что-то чувствует нутром. Вот так и получилось, что остались лишь мы вдвоем. Скоро ты останешься сам со всем этим. Ты должен быть сильным, чтобы бороться. Теперь, когда ты знаешь все, можешь быть уверен, что смерть уже занесла над тобой косу. Даже если ты останешься жив, все твои дети, кроме одного, умрут.

– Может быть, это просто наследственная болезнь? – засомневался Ложкин. – Просто болезнь. А прадед Василий был... Ну, придумал он это все.

– Ты сам скоро увидишь, – сказал дед. – Ты убедишься, что он говорил правду. Ты увидишь и скелеты и все остальное. Сомнений у тебя не останется. Да о каких сомнениях можно говорить! – Я показал тебе сегодня достаточно много.

– Это все оттуда? – спросил Ложкин.

– Да. Это все оттуда. И моя сила оттуда, и все остальное.

– А что говорят врачи?

– Врачи ничего не говорят. Болезнь здесь ни при чем. Это проклятие. Если ты хочешь оставить наследника, ты должен будешь найти женщину, которая согласится родить тебе пятерых или четверых детей, зная, что умрут все, кроме одного. Но найти такую женщину почти невозможно. Поэтому рано или поздно Ложкины исчезнут. Может быть, ты будешь последним из них.

Это очень тяжело, когда умирает младенец, которому всего несколько месяцев. Он уже узнает тебя и любит и кое-что соображает. Он тянет к тебе пальчики. Но однажды он перестает улыбаться, и ты видишь это даже раньше, чем его мать, занятая стиркой или уборкой. Ты успеваешь заметить его последнюю в жизни улыбку. Потом он быстро сгорает, как спичка. Ты бегаешь по врачам, но знаешь, что все бесполезно, просто создаешь видимость какой-то суеты. А когда умирает и второй, это уже непереносимо. Это ломает тебя навсегда. Женщину это может просто уничтожить. А если ты когда-нибудь проговоришься, весь остаток жизни она будет ненавидеть тебя. Я помню твоих умерших братьев так, будто видел их вчера. Я помню их даже лучше, чем своих сыновей. Потому что каждое следующее повторение страшнее... Налей еще.

Он выпил и продолжил.

– В подвале есть большая дубовая дверь, – говорил дед, – войдя в которую, ты можешь найти много предметов, которые тебя удивят. Это подарки. Это вещи громаднейшей силы. Но запомни: пока я не вернусь, ты не должен брать ничего оттуда. Не бери ничего, предупреждаю тебя! Не позволяй себе потерять голову. И еще одно обязательное правило, даже сверх-обязательное: можешь спускаться в подвал, сколько хочешь, но, если хочешь остаться жив, никогда не задерживайся там после захода солнца. Всегда имей при себе точные часы и всегда знай время захода. Это я говорю не просто так, – от этого зависит твоя жизнь.

7. Жизнь...

Жизнь деда оборвалась два дня спустя.

Дед лежал желтый, на мертвой коже проступили во множестве синяки и кровоподтеки, почти черного цвета. Седая щетина продолжала расти, а из горла порой вырывались странные пугающие хрипы – так, будто тело еще было живо и силилось вздохнуть. Возможно, в нем медленно расслаблялись какие-то мышцы. Сейчас дед выглядел еще страшнее, чем при жизни. Его пальцы скрючились и побелели, словно мертвец пытался вцепиться во что-то. В его лице не было отрешенности, умиротворения или хотя бы безразличия, которое обычно проступает на лицах мертвецов. Его лицо все еще было сосредоточено, и казалось, что даже мертвый дед продолжает стремиться к чему-то, видимому лишь ему одному.

Весь день Рита была с Ложкиным, она помогала делать те простые вещи, которые умеет делать лишь женщина. К вечеру тело было готово, деда накрыли покрывалом и выключили свет в той комнате, где он лежал. Так, словно свет мог ему помешать. Ложкину хотелось плакать, и он стеснялся этого.

– У тебя ведь больше никого нет? – спросила Рита.

– Совсем никого. Я его не любил, допустим, он был деспотом, но с ним ушло самое дорогое. Самое настоящее. Мое детство. Ушло прошлое. Я чувствую себя как кактус, у которого сгнила нижняя половина. Он воспитывал меня до восьми лет. Было время, когда я ненавидел его, и никогда не понимал. Но сейчас он продолжает во мне жить. Ты знаешь, он дал мне в руки комок глины, впервые. И он научил меня лепить. Из-за него я стал тем, кто я есть.

– Скульптором, который до сих пор не продал ни одной из своих работ, – уточнила Рита. – Прости меня, но это все фигня. Деньги не имеют отношения к искусству, – сказала она, щелкнула зажигалкой и затянулась.

Ложкин был скульптором, причем всегда считал это занятие не увлечением, а главным делом своей жизни. Иногда он вырезал или рисовал, но его страстью была лепка, причем лепил он всегда из глины.

Он не любил дерево, камень, металл и пластик. Он предпочитал лепить из глины, причем обычно оставлял поверхность шершавой и необработанной, не глазируя ее, не покрывая эмалью или лаком. Чтобы сделать глину водостойкой, он обязательно обжигал ее при тысяче трехстах градусах или даже чуть больше. Для этого есть специальные печи, и Ложкин имел их две, разных размеров, но обе небольшие. Он оставлял видимым само тело глины, тело, такое же выразительное, как и человеческое – ведь ее поверхность всегда немного напоминает человеческую кожу. Правильной обработкой глине можно даже придать фактуру кожи. А любая глазурь или эмаль превращает глиняную скульптуру в обычную керамику, и никакая раскраска уже дела не изменяет. Давным-давно Ложкин изготовил несколько работ на заказ, для музея, покрыв их свинцовой глазурью с оксидом олова, а потом раскрасил золотой и серебряной краской. Денег за работы он так и не получил, а экспозицию, как ни странно, назвали "народная глиняная игрушка". Это обидело Ложкина. С тех пор он работал только с голой глиной, постепенно совершенствуя свое мастерство. Иногда ему казалось, что он знает о глине все. Иногда, в редкие моменты вдохновения, ему казалось, что глина оживает в его руках. Но дед сразу же в день приезда осмотрел все и безжалостно раскритиковал работы его последних лет, похвалив лишь модель руки, изготовленную пять лет назад.

– Ты совсем не чувствуешь глину, – тогда сказал дед. – На твоем месте я бы занялся другим делом и не портил материал. Да и материал у тебя, я смотрю, дурацкий.

– Это лучшая скульптурная глина, которую я смог достать, лучшей в природе не бывает, – возразил Ложкин.

– Да ну? Этот перегной ты называешь глиной? Ты это покупаешь?

– Не это. Я экспериментирую. Я работаю с собственными смесями на основе каолина, с трубочной глиной, добавлю мергель, глинистый сланец, суглинок, силикаты и множество химических компонентов. У меня есть несколько собственных рецептов, о которых никто не знает. Скажу вам, это мой маленький капитал.

– Забудь о каолине, – сказал дед. – Дело не в нем.

– Но ведь самая чистая белая глина, она образуется при разрушении гранита, в ней нет примесей. Поэтому, добавляя реактивы, мы можем получить любой другой вид глины. Вы знаете химию?

– Где добывают эту дрянь?

– В Алабаме.

– Вот видишь, в Алабаме. Из чего бог слепил Адама?

– Из глины.

– Разве он ездил для этого в Америку? Выбирал лучшую глину?

– У вас есть глина, из которой лепили Адама? – спросил Ложкин. – Тогда продайте мне пару вагонов. Куплю прямо сейчас.

– Да, малыш, такая глина есть. Что-то вроде нее.

– И где же это месторождение, в Еламово?

– Именно там. Ты сомневаешься в моих словах?

Ложкин отлично помнил Еламово, этот глиняный и меловой рай. В Еламово он вылепил свои первые глиняные фигурки. В Еламово, в ближайших к нему лесах и оврагах, можно было найти любую глину, любого цвета, кроме, пожалуй, изумрудно-зеленого (такая глина встречается лишь вблизи месторождений меди), там он находил глину белую, как чистый мел или как хорошая известь, глину черную, почти как смола, оранжевую и розовую, как лепестки шиповника. Там можно было найти глину любой плотности и пластичности; глину, которая не трескалась при высыхании, такую, которая после высушивания под солнцем становилась не твердой, а упругой. Там, в еламовских лесах на каждом шагу встречались холодные меловые источники – струи подземной воды, бьющие с невообразимой глубины. Источники разливались мелкими озерцами, вода в которых все же оставалась ледяной. Если бросить в такую воду лягушку, то она замерзала и переставала двигаться, опускаясь на дно. Ее можно было достать через месяц или через два и отогреть, она оставалась живой. Чистейший вкус воды из тех меловых источников Ложкин не забыл до сих пор. Мел в Еламово добывали открытым способом, его постоянно вывозили грузовиками, а весной глубокие меловые карьеры наполнялись водой. Когда вода нагревалась, в ней кишели головастики и мелкая рыбешка.

– Мне кажется, я знаю любой вид глины, какой можно найти в Еламово, – возразил Ложкин. – Вы же сами учили меня, когда я был ребенком. Вы научили меня любить глину, и показали мне все. И, к тому же, глину там копают все подряд, там глиняные ямы на каждом шагу, если бы там имелось что-то необычное, – как вы сказали, глина, из которой был слеплен Адам...

– Может быть, это и не та самая глина, – согласился дед, – но большой разницы нет. Поймешь, когда сам увидишь. А что касается ям на каждом шагу, это правильно. Так вот, нужная яма находится как раз под домом, под нашим домом, поэтому никто чужой там не копает... У тебя есть шприц?

Шприц в доме нашелся, одноразовый, пятикубовый.

Дед уверенным движением вогнал иглу себе в вену. Некоторое время он молчал. Минуту спустя его лицо расслабилось.

– Болеутоляющее, – объяснил он. – Не совсем болеутоляющее, но что-то вроде того. Обычно я не позволяю себе больше одного шприца в день. Но перед смертью можно расслабиться, верно? Поэтому сбегаете в аптеку и купите мне упаковку.

– Что за лекарство?

– Тебе не надо, ты все равно в медицине ноль. Эта штука меня поддерживает. Так вот, слушай. Я сказал, что ты не можешь брать из подвала ничего. Есть одно исключение. Можешь взять немного глины. Тогда ты сам проверишь, из этой ли глины был слеплен Адам.

Дед тоже был скульптором, как и Ложкин, у него было удивительное умение схватить и показать ту суть вещей, о которой никто даже не догадывался. Была и особая проницательность, которая иногда по-настоящему пугала в разговоре: порой дед ронял всего два или три слова и было понятно, что он видит тебя насквозь и даже больше, чем насквозь, – будто вывернутого наизнанку. В свое время деда боялись все в семье Ложкиных.

Особенно боялась деда бывшая жена скульптора Ложкина, остроносая Эльвира, которая явно не хотела принадлежать к семье и удрала при первой же возможности. Она отказывалась признавать Ложкина скульптором, на том основании, что он ни разу не смог продать ни одну из своих работ, называла искусство игрушками и отказывалась завести ребенка до тех пор, пока Ложкин не устроится на приличную работу. Приличная работа, по ее представлению, валялась на каждом углу. Остроносая Эльвира постоянно шпыняла Ложкина примерами удачно живущих соседских мужей, отвратительно тупых, злых, грубых и громко смеющихся, без малейшей искры божьей, и даже дьявольской.

В тот день дед все же сходил в больницу и вернулся оттуда веселым.

– Так было надо, – сказал он. – Если я помру в таком виде, весь поломанный и избитый, то тебе прямая дорога в тюрьму. Тюрьма, она, положим, хорошо вправляет мозги, я знаю, потому что сам сидел, но ты мне нужен живой и свободный. Не злился, это я пошутил. А теперь у меня есть справка о трех переломах, вот, даже рентген прилагается. Еще что тут пишут... Почки им мои не нравятся. Подозревают внутреннее кровотечение. В общем, порядок, прямая дорога на кладбище. У ментов я уже был. Навешал им лапшу про трех хулиганов, которые решили ограбить мою старую задницу. С этим делом теперь полный порядок.

– А что, хулиганов на самом деле не было? – спросил Ложкин.

Дед удивленно взглянул на него.

– Конечно, не было. Я бы не позволил себя так отделать. За кого ты меня считаешь?

– Точно! – воскликнул Ложкин. – Как же я раньше не подумал! Каким же сильным должен быть человек, который напал на вас и сделал это! Кто это был?

– Это не твое дело, – ответил дед. – Кто бы это ни был, а я до него доберусь, как только воскресну. Я так до него доберусь, что он забудет даже свое имя. Я заставлю его съесть собственные яйца.

– Почему же вам не наложили гипс?

– Я им денег не дал, сказал, что нету. Они сейчас бесплатно не делают. Рентген тоже делать не хотели, но я на них слегка надавил, ты же знаешь, как трудно сопротивляться моему очарованию. Что ты скис? Не горюй, завтра я, пожалуй, помру, и ты от меня отдохнешь.

Таким он и умер, возбужденным и веселым, до последней минуты.

Рита докурила сигарету.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– О смерти.

– А я о жизни. Значит, мы думаем об одном и том же... Откуда твой старик узнал о бородавке?

– Он ведь колдун.

– Ага, – согласилась Рита. – Жаль, что я не успела его ни о чем попросить... Кстати, когда я сегодня убиралась в комнатах, я нашла у тебя пистолет. Ты сумасшедший или террорист?

– Это пневматический пистолет, – ответил Ложкин. – Он бьет маленькой свинцовой пулькой всего на пятнадцать метров. Им можно убить только воробья. Если попадешь.

– Ты умеешь из него стрелять?

– Я отлично из него стреляю. Когда-то увлекался. Какое-то время он был моей любимой игрушкой. Дядя Анатолий, сейчас его уже нет в живых, работал инструктором в какой-то секции и бесплатно доставал пульки для этого пистолета. Микроскопические наперсточники из гофрированного свинца. По четыреста штук в коробке. Мне этого хватало на неделю. Я так напрактиковался, что мог попадать с закрытыми глазами. Я попаду с закрытыми глазами даже сейчас.

– И что же?

– Я попробовал повторить подвиг Вильгельма Теля. Мне было четырнадцать лет. Я взял яблоко и поставил его на голову своего друга. Тот ни капли не боялся. Но в последнюю секунду меня вдруг покинула уверенность. А отказаться я не мог, потому что девочки смотрели.

– И ты выстрелил?

– Да. Нужно было просто приподнять ствол и выстрелить в воздух. Но я этого не сделал, я хотел попасть. Я сказал себе: Андрюха, ты никогда в жизни не трусил, не струсил и сейчас! И я выстрелил. Пулька вошла ему прямо в зрачок. Глаз не просто вытек: я увидел, как он взорвался, брызнул во все стороны. Это была на сто процентов моя вина. Я больше никогда не стрелял после этого, а мой друг остался на всю жизнь со вставным стеклянным глазом. Я много думал об этом и пришел вот к чему. Бог прощает наши грехи, но никто не может простить нам нашу вину. Сколько бы хороших вещей я не сделал после этого в своей жизни, и сколько бы раз меня ни прощали, стеклянный глаз все равно остается стеклянным глазом. Он никогда не станет живым.

Рита помолчала, потом взяла новую сигарету.

– Дурные вы все, мужики, – сказала она, – и чего вам спокойно не живетесь? А ты ведь об этом никогда не говорил.

Удачно живущие соседские мужья выпили и поели на похоронах, рассказали пару кладбищенских анекдотов, помогли вынести гроб и разошлись. На похоронах никто не плакал.

В первую ночь после похорон Ложкин совсем не спал; ему хотелось выть, как животному. Теперь семья Ложкиных состояла из одного человека. Из человека, который знал тайну. И тайна эта была страшной.

– Понимаешь, малыш, – сказал дед в свой последний день. – Я тебя в некотором роде подставил. Сейчас, когда ты посвящен в тайну, тебе нужно что-то делать. Если ты будешь просто сидеть на своем стуле в своей теплой квартире и с бабой под боком, то ты обречен. Ты просто пропадешь, от болезни, как Яша, помнишь его? Или от несчастного случая, как дядька Афанасий. Помнишь Арину, которая утонула в реке, как раз перед твоим отъездом из Еламово? Я отправил тебя в город, чтобы уберечь от всего этого. Я тебе ничего не говорил, я убрал тебя подальше, – и видишь, сработало. Ты до сих пор жив. А ведь Арина утонула всего через десять дней после того, как узнала тайну. Поэтому тебе нужно спешить.

– Я помню только ее руки, – ответил Ложкин, – они пахли травой... Так что же мне делать?

– Я не знаю, – ответил дед. – Проблема в том, что я не знаю. Поезжай в Еламово, это прежде всего. Если спасение есть, то только там. Но я не знаю, что ты должен сделать, чтобы остаться в живых. Не знаю! Но ты последний, кто может спасти наш род. Хотя бы в лице самого себя. Я уверен, что шанс у тебя будет.

А что касается глины, то ее очень много. Можешь брать, сколько хочешь. Но добавляй ее не больше, чем одну десятую часть. Этого достаточно, чтобы твои фигуры выглядели живыми и настоящими. Если же ты добавишь больше, чем десятую часть...

– Что тогда?

– Тогда ты не должен показывать никому то, что у тебя получится. Ты меня понял? Хорошо понял?

– Да. Не дурак.

– Когда я умру, сразу же взвесь мое тело на точных весах. Я хочу, чтобы ты знал мой вес с точностью до одного грамма.

– Зачем? – удивился Ложкин. – На меня же будут смотреть, как на ненормального.

– Я тебе потом объясню зачем, если встретимся. Запомни, с точностью до грамма! Цифру запиши и носи с собой. Я не могу сказать, в какой день она тебе понадобится, но понадобится обязательно. Сразу же после моих похорон поезжай в Еламово, не позже, чем на следующий день. Не позволяй дому стоять пустым. На втором этаже, в моей комнате, есть магнитофон со вставленной кассетой. Просмотришь, и кое-что узнаешь. Потом пойдешь в подвал и найдешь дубовую дверь. Я поставил там кодовый замок. Это хороший замок, очень надежный. Всегда запирай эту дверь, когда выходишь. И никогда не оставайся там после захода солнца.

8. После захода солнца...

После захода солнца на Еламово опустилась долгожданная прохлада. Поезд остановился на станции, где над разогретым камнем и асфальтом все еще струился воздух, где ленивые, философски настроенные, местные собаки лежали с высунутыми языками, совершенно не обращая внимания на людей. Небо все еще дышало светом, и лишь сиреневые брюшки ослепительных облаков несли с собой весть о тихом приближении ночи.

Прошло два дня после того, как он похоронил деда. Он вышел из поезда, взглянул на старое, оштукатуриваемое каждую весну, здание вокзала, знакомое до последних мелочей, до скользких полов и исписанных вдохновенными матами сидений, и, кажется, даже до детских припухших желез – была и такая ночь, осенняя, вся проведенная в ожидании опоздавшего состава. У дверей этого вокзала Ложкин когда-то впервые поцеловал удивительно сильную сопротивляющуюся Надю. Он до сих пор помнил вкус ее плотных губ и до сих пор искал этот вкус в губах других, чужих женщин, иногда даже осознавая это.

Он вдохнул запах мазута, услышал меканье коз и шорох гравия у себя под ногами, нашел глазами старую кирпичную водокачку, в которой, по легенде, утопили немало кому-то неугодных строптивых людей, и сразу почувствовал себя спокойно. Все напряжение последних дней осталось в столице. Его дом был здесь и только здесь: дом трижды перестраиваемый только на его памяти, в первый раз еще крытый ржавым железом и с грязным дощатым полом, затертым до такой степени, что полированные шляпки гвоздей торчат из него выпуклые, как чирьи (или это абберрация генетической памяти?), а теперь отличный двухэтажный каменный особняк, дом однозначно богатый, в котором, к сожалению, просто некому жить.

Во дворе он нашел собаку на цепи, крупную, рябую, издыхающую от голода; собака лежала спиной вверх, раскинув в стороны все четыре лапы. Она умирала не только от голода, но и от жажды. Каким-то звериным чутьем собака сразу же унюхала в Ложкине хозяина и стала послушно и с благодарным усердием откликаться на кличку "Полкан". Ложкин вошел в дом, который не был заперт, и убедился, что дом остался до последней мелочи нетронутым, идеально совпадающим со своим отпечатком в его, скульптора Ложкина, памяти. Дом двигался сквозь время, как повозка сквозь лес: нисколько не меняясь оттого, что опушка сменилась глухими дебрями. От чего-то Ложкин почувствовал страх: что-то неизвестное таилось в этих дебрях времени, нечто, с чем придется столкнуться. Над Еламово начинала сгущаться ночь, и тени стали серы.

Ложкин бросил чемодан в большой гостиной на первом этаже, расположился на диване, расстегнул рубашку на груди и вытряхнул из бутылочки жало, свернутое в полукольцо.

Эту штуку отдал ему дед, причем посоветовал прикладывать к телу как можно чаще.

– Существо, которому это жало принадлежало, – говорил дед, – называется сморвом. Не могу тебе сказать, как выглядит сморв, потому что его внешность бывает разной. Возьми это жало, оно уже почти израсходовано, поэтому вреда тебе не будет. Польза, напротив, огромная. Приложишь к телу еще пять или шесть раз, и оно перестанет действовать.

– Это обязательно? – спросил Ложкин.

– Это очень сильный стимулятор. Поможет сбросить лишний жир. Станешь сильнее, хотя и не будешь таким сильным, как я. Будешь двигаться быстрее и точнее, будешь четче думать, меньше спать. Никаких простуд или гриппов. Жизненный тонус станет как у молодого голодного волка. Стопроцентно природный продукт, ха! Только природа нашей планеты к нему не имеет никакого отношения. Кстати, улучшает потенцию в несколько раз, хотя тебе это пока не нужно. Ты когда-нибудь занимался спортом?

– Почти нет, совсем немного, – ответил Ложкин, – немножко боксом и немножко плаванием, но в детстве меня водили на балет. Зато организм крепкий от природы, как у быка.

– Понимаю, сам такой. Все мы такие, – сказал дед. – Говоришь, значит, на балет? Надо же!

– Это было не долго, я вскоре заболел. Простудил среднее ухо. Я часто простужаюсь.

– Ничего, жало тебе поможет. Сбросишь килограмм семь или десять. Мышцы укрепятся, станешь злее. Будешь похож на мужчину. Наша порода крепкая, это точно, сила в тебе есть, а вот зла не хватает. Настоящего, хорошего зла, такого, как у меня. В школе тебя били?

– Никогда, хотя несколько раз пытались, – сознался Ложкин. – Я не любил давать сдачи. Но если меня доставали по-настоящему... Короче говоря, по второму разу никто не хотел связываться. Но я это не люблю. Мне никогда не нравилось кого-то бить, кому-то причинять боль. Наоборот, мне нравятся такие минуты, когда чувствуешь чужую боль, как свою. Тогда понимаешь себя человеком.

– В этом мы непохожи, – сказал дед. – Ударить врага всегда приятно. Ты это поймешь.

– Нет, я не хотел бы, – возразил Ложкин.

– Это как прыгать в воду с берега. Освежает. Прыгал когда-нибудь?

– Тысячу раз.

– Ладно, показываю, как пользоваться. Берешь аккуратно, двумя пальцами, и ждешь, пока развернется. Потом прикладываешь к коже на груди или на шее.

Дед поднял жало на уровень глаз, и оно действительно стало разворачиваться.

За последние два дня Ложкин прикладывал жало уже пять раз. Стимулятор действительно работал. Уже в первый же день брюки стали соскальзывать с бедер, а подняться бегом на четвертый этаж не составляло никакого труда. Прекратилось сердцебиение и отдышка. Пресс стал твердым, а мышцы упругими. Ложкин чувствовал себя превосходно – так, как никогда раньше. Разве что совсем давно, в девятнадцать лет, когда он недолго ходил в мелкую секцию бокса.

Сейчас, когда он шел, ему хотелось подпрыгивать, словно под каблуками были пружинки. Он чувствовал себя так, будто раньше у него в животе бултыхался резиновый мешок с жидкими помоями, а теперь этот мешок исчез. Однако, жало сморва оказалось не таким уж и безобидным стимулятором: перед самым своим отъездом Ложкин вдохновенно заехал в морду своему соседу снизу, который имел наглость заявить, что спилит грушу под окнами, – ту самую, которую Ложкин сажал собственными руками. Сосед в очередной раз приходил, чтобы занять денег, а когда Ложкин отказал, приплел грушу. За что и получил по полной программе. Ложкин ни капли не жалел об этом.

Итак, Ложкин расстегнул рубашку на груди и вытряхнул из бутылочки жало сморва. Взял его двумя пальцами, и колечко развернулось, ощутив близость плоти. Сейчас жало было сантиметров пять длиной, но оно вытянется сильнее, когда коснется кожи. Ложкин приложил жало к груди и почувствовал легкий укол. Лечат ведь люди себя укусами пчел или мерзейшими пиявками, так почему бы не лечиться укусами сморва? Это гораздо приятнее, в смысле, не так больно.

Когда начала капать кровь, он подставил носовой платок. Через минуту жало снова втянулось, Ложкин вложил его в бутылочку и завинтил крышку.

Покончив с этим, он поднялся на второй этаж и вошел в комнату деда. Комната была почти пуста, в окна, полные его собственных полупрозрачных двойных отражений, желтыми глазами глядела ночь. В углу стояли два стола, придвинутые друг к другу. Под ними было полно давно неметеной пыли. На подоконнике – несколько высохших яблочных огрызков, там же – горшок с мертвым цветком. На стене ковер с большим чернильным пятном в углу. На полу обрывки газетной бумаги. В паутине под потолком тупо билась обреченная муха. Ощущалось, что женщина здесь не появлялась годами. Видимо, дед приглашал

уборщицу, чтобы та поддерживала порядок в доме, но не пускал ее сюда. На дальнем столе стояли два дорогих телевизора с большими экранами, компьютер без корпуса и видушка. Ложкин попробовал включить компьютер и убедился, что он не работает. Ничего, потом разберемся, – подумал он. Он подвинул к столу единственный стул и вдавил в магнитофон кассету.

На экране появился дед. Видимо, старик просто положил камеру на стол и снимал самого себя. Была видна только половина лица, а порой, когда дед поворачивался, лицо полностью выходило из кадра.

– Приятно встретиться с тобой еще раз, малыш, – говорил дед; он любил называть Ложкина малышом, хотя «малыш» уже был в возрасте Христа. – Меня уже нет, а ты сидишь в моем кабинете, который теперь стал твоим. Прости за беспорядок, мне некогда было заняться уборкой. Не до того в последние дни.

Ты еще не был в подвале? Если уже спускался, то заметил, что за первой дверью есть вторая, тоже прочно запертая. Сейчас я назову тебе код, это все твое. За первой дверью есть комната, в которой осталось несколько моих незаконченных скульптур (можешь разбить их, эта дрянь ничего не стоит), и большая кадка с глиной – это та самая глина, о которой я тебе говорил. В углу стоит сейф, в нем сорок тысяч баксов. Это мой тебе подарок. Мало, но я в последний год поиздержался. Ничего особенного в этой комнате нет. Все самое главное – за второй дверью.

Когда ты ее откроешь, то увидишь короткий коридор и лестницу вверх. На лестнице тридцать пять ступеней. Затем будет дверь наружу, она не заперта. Запереть эту дверь невозможно, даже и не пытайся. Когда ты толкнешь ее, то выйдешь во двор. Вначале тебе покажется, что ты во дворе нашего дома. Но это не так.

Пойми самое главное, осознай: то, что за дверью – это не наш мир. Совсем не наш!

Не наш дом, не наш двор, не наш город. Не наша вселенная. Ты увидишь там многие знакомые вещи, но не увидишь людей. Их там нет и быть не может. Люди там не живут. А с теми, кто живет там, тебе лучше не встречаться.

Погуляй, но не заходи далеко. Это опасно. Чем дальше ты зайдешь, тем опасность больше. Ты понятия не имеешь, как жить в том мире, что там правильно, а что нет. Объяснить это невозможно. Поэтому посмотри и уходи. Можешь зайти в соседние дома, только ничего не бери! Любая вещь, которую ты принесешь оттуда сюда, может означать твою смерть. Я говорю совершенно серьезно.

Ты спросишь меня, что же это за место. Это тот мир, откуда к нашему предку пришли трое ночных гостей. Когда Василий убил их, дверь осталась открытой. Дверь от них к нам. Ни один человек на земле не может запереть эту дверь. Это не в человеческих силах. Но ее ведь можно хорошо замаскировать, правда? Именно так все и было сделано. Над открытой дверью в иной мир был построен целый дом, куда никогда не пускали посторонних. Сейчас эта дверь принадлежит только тебе. И весь мир за ней. Это мой тебе страшный подарок, или наследство, называй как хочешь.

Но не спеши и не увлекайся. Тот мир когда-нибудь даст нам с тобой большую силу и большую власть, власть над этим миром. Он не дал власти мне, но только потому, что я не успел дожить. Зато я много успел сделать, и тебе будет легче. Мы еще встретимся, и мы добьемся своего. Мы сможем взять все, нам будет принадлежать все. Все золото земли, вся сила империй и вся власть сильных – все это ничто, по сравнению с тем, что можем получить ты и я. Ты и я!

Каждая песчинка, принесенная оттуда, может означать переворот во всей земной науке и технике, особенно в военной технике. Потому что это не песчинка, это продукт гипертехнологии, которая нам даже и не снилась. Если все будет сделано правильно, мы с тобой получим все это. Только мы! Василий был прав: если золото принадлежит всем, то тебе от

этого золота нет никакого проку. Золото, и все остальное вместе с золотом, будет только наше. Тогда мы покажем всему этому дерьму! Жди меня.

На этом запись закончилась.

– Прости дед, но мне это не нравится, – сказал Ложкин. – Во-первых, мне не нравится открытый проход между мирами, в который может провалиться все, что угодно. Во-вторых, мне не нравится твое отношение к этому делу. А в-третьих, это слишком много для меня, чтобы я так просто взял и поверил. Но проживем – увидим.

Ложкин спустился по лестнице и нашел ту дверь, о которой говорил дед. Он не собирался открывать ее ночью. Он просто хотел посмотреть на нее. Потом он прижал к двери ухо. Ему показалось, что он услышал за дверью тихий смех, быстрое движение и мелкий цокот когтей. Скорее всего это были крысы, и просторная тишина пустого дома позволяла хорошо их слышать.

Затем он лег спать, а когда заснул, увидел все тот же сон, который мучил его уже множество раз, сон, в котором он был гнусным убийцей девушки. Кошмар вернулся: он снова был убийцей, и обреченная машина, в которой лежало его бессознательное тело, двигалась по льду озера, туда, где в густеющей тьме за снежной пеленой едва виднелась черная полынья.

9. Полынья...

Полынья еще оставалась очень далеко; машина всего лишь спустилась с пологого берега, проехала метров пять и намертво завязла в сугробе. Рустам тихо выругался.

– Что делать будем? – спросил Василий.

– Вытягивать, что же еще? Это всего лишь снег. Лопаты нет, придется разбрасывать его голыми руками.

– Воспаление легких мне обеспечено. Я такой мокрый, как будто сам побывал в полынье.

– Заодно и согреешься, – сказал Рустам.

– Я бы выпил чего-нибудь.

– Сделаешь дело, потом пей, сколько хочешь.

Они спустились на лед. Лед потрескивал под их шагами, он был настолько непрочен, что казалось чудом, что машина до сих пор еще не провалилась под воду. Лед таял. Нужно было спешить. Если машина затонет у самого берега, она будет хорошо заметна. Тогда труп обязательно найдут.

Наконец, они разбросали сугроб.

– Давай вернемся домой и все забудем, – сказал Василий. – Эрику ведь все равно уже не воскресить. Да, он убил твою сестру и мою девушку. Но я не хочу убивать его за это. Ты как хочешь, а я уйду. Я не хочу этого больше. Я не буду...

Рустам быстро и аккуратно двинул его в челюсть. Удар был таким сильным и неожиданным, что Василий свалился. Рустам наклонился над ним.

– Еще одно такое слово, и ты у меня пойдешь в полынья вместе с этим. Ты понял? Он убил Эрику. Ты собираешься ему простить?

Василий поднялся.

– Я не могу, – сказал он, – я просто не могу. Это выше моих сил.

– Позволь напомнить, – сказал Рустам, – что это была твоя идея. Ты первый сказал, что готов убить этого подлеца. Ты сказал, что готов на все, чтобы его наказать.

– Я был не в себе! Я был пьян!

– Ну, не настолько же.

Василий сел, и мокрый снег провалился под ним. Он сидел в луже слякоти, обхватил голову руками. Его плечи содрогались, возможно, он плакал.

– Ты не хочешь никого убивать, – сказал Рустам. – Ты хочешь остаться чистеньким. Значит, ты ее просто не любил. Хорошо, я сделаю это сам. Твоей помощи, вообще-то, уже и не требуется. Все уже сделано, и полынья ждет. Я все равно убью его, и никто не сможет мне помешать.

Он поднял глаза и увидел две темные фигуры, приближающиеся к ним сквозь завесу снега.

– Вставай, залазь в машину! – тихо приказал он.

– Что случилось? – не понял Василий.

– Кто-то идет сюда.

– Кто может сюда идти в такое время и в такую погоду?

– Сейчас посмотрим. Главное, ничего не говори и ничего не делай. Притворяйся пьяным и старайся не показывать свое лицо. Ты понял? Не делай ничего необычного, вообще ничего, иначе они тебя запомнят.

Он встал у машины, вглядываясь в снежную пелену. Вскоре он разглядел двух подростков, мальчика и девочку.

– Вы застряли? – спросил мальчишка.

– Точно, – ответил Рустам, подражая кавказскому акценту. – Тут, понимаешь, не видно ничего. Ни где твой берег, ни где озеро. Но все уже в порядке, щас вылезем. А что вы тут делаете?

– Рыбку выпускаем, – сказала девочка.

– Кого?

– Рыбку. Купили вчера на базаре, а она живая. Никак не могли ее съесть. Теперь приходится выпускать. Она еще маленькая, ей еще жить да жить. Смотрите, какая. Мы хотим ее бросить в полынью.

– Не выйдет, – сказал Рустам. – Это мертвое озеро. Рыбы тут уже давно нет. Ваша рыбка сразу умрет. Лучше уже ее быстро зарезать, чтоб не мучилась. Или выпускайте не здесь, а в речку, чтобы она подальше уплыла. Сюда точно нельзя, здесь даже улитки и жабы все умерли, не только рыбы. И вообще, идите отсюда, там дальше лед такой тонкий, что вы обязательно утонете. Куда только смотрят папа с мамой?

Когда дети ушли, Василий выбрался из машины.

– Взялись они на нашу голову, – сказал Рустам, – это ж надо, с рыбкой, в такую погоду.

– Это знак, – ответил Василий.

– Что?

– Это знак. Знак, чтобы мы остановились. Мы не должны этого делать. Не может быть, чтобы дети зашли со своей рыбкой вечером в такую глушь. Слишком маленькая вероятность. Они пешком, а здесь и транспорта нет никакого.

– Да они просто рядом живут, – сказал Рустам. – Дети бестолковые, я за ними наблюдал. Они ни разу не взглянули ни на машину, ни на мое лицо. Их интересовала только ихняя рыбка. Они нас не запомнят. Что там наш труп?

– Пока дышит, но под ним уже лужа мочи. Воняет ужасно. Я же говорил, что ты заставил его проглотить слишком много таблеток. А что, если он умрет даже без полыньи?

– Как раз поэтому для нас нет дороги назад, – сказал Рустам. – Представь себе, сейчас мы едем домой, а он окочуривается у нас на руках, напиханный наркотиками, или еще хуже, приходит в себя и понимает, что мы с ним пытались сделать. Тогда ты уже не выкрутишься. Это тебе не детские игрушки. Это большая статья.

Он обернулся и посмотрел в том направлении, куда ушли дети.

– Ну все, – сказал он, – малявок уже нет, они ушли домой или речку свою искать. Ждем еще десять минут, на всякий случай. Свидетели нам не нужны... Что это?!!

10. Что это?..

Что это? – подумал Ложкин, – что это было? Что такого ужасного он увидел на снегу?

Он быстро встал с кровати. Что означало это? Почему уже столько раз он видит этот кошмар, причем кошмар продолжает разворачиваться, а действие понемногу продвигается к завершению? Еще одна или две ночи, и человек, лежащий в машине, умрет. Перестанет ли тогда возвращаться этот сон? С каждым разом Ложкин все больше убеждался в том, что сон этот был не просто сном. Но чем он был, в таком случае? Порой, когда он задумывался об этом, ему становилось по-настоящему страшно. Этот сон был невозможен, необъясним, с ним ничего нельзя было поделать, он приближался, он наползал как болезнь. Он был неотвратим. И он означал нечто ужасное.

Сон оборвался в тот момент, когда Рустам заметил на снегу некоторый предмет. Предмет, который его очень удивил, и даже испугал. Предмет, который никак не должен был там оказаться. Но Ложкин не успел понять, что это было. Он просто не успел увидеть.

Он подошел к шкафу и оперся лбом о зеркало. Сон был не просто сном.

Сейчас он видел перед собой знакомую комнату зазеркалья и несчастного испуганного человека, опирающегося на зеркало лбом. Кто из нас реален? – вдруг подумал Ложкин. – Если я подниму руку, мое отражение сделает это одновременно со мной. Если я высуну язык, мое отражение сделает то же самое. Оно думает то же самое, что думаю я, потому что мысли это всего лишь перемещение молекул внутри моего мозга и моих нервов. Если бы я мог видеть эти молекулы, я бы убедился, что мое отражение думает, и думает то же самое, что и я. Значит, человек в зеркале думает, что реален именно он, а я его отражение. Если я попробую доказать свою реальность, у него найдется точно такое же зеркальное доказательство собственной реальности. А, значит, я никак не могу утверждать, что реален я, а не он. Я могу разбить это стекло, и он исчезнет. Но ведь он решит, что это он разбил стекло, и я исчез. То есть, реальны мы оба? Я сошел с ума.

А что, если сон это не просто видение, – продолжал думать он, – если сон это как зеркало, в которое два мира смотрятся с двух сторон? Два человека, и каждый из них считает себя настоящим. И оба они на самом деле настоящие. И оба они на самом деле один и тот же человек. Один Ложкин умирает в машине, накачанный наркотиками, и жить ему осталось считанные минуты или часы. Он видит меня во сне и считает меня своим сном. Он негодяй и убийца. А я вижу во сне его, и я весь такой хороший, честный и порядочный. Но, если мы оба это один и тот же человек, то делает ли это меня убийцей? И делает ли это обстоятельство его хорошим и честным? И самое главное: что случится со мною, когда он умрет? Полная ерунда. До чего только можно додуматься спросонку.

Как бы то ни было, но солнце уже взошло.

Пора было вытряхнуть из головы ночные ужасы и заняться делом. И главным делом на сегодня был подвал.

Ложкин спустился в подвал, ощущая некоторую неловкость, так, будто он все еще был ребенком и делал что-то недозволенное (в детстве ему никогда не позволяли ходить сюда), словно дед все еще был жив и шел первым по большим, непомерно высоким и оттого очень неудобным ступеням.

Вначале он отпер ту дверь, за которой был всего лишь склад или мастерская.

Внизу горел свет, видимо, не выключаемый уже много дней. Пахло паленой резиной, причем пахло так, что хотелось зажать нос. Передняя часть подвала состояла из двух комнат, разделенных массивной деревянной дверью: в одной комнате была мастерская, а в другой дед держал готовые работы. Ложкин удивился, что деревянная дверь была снята с петель и лежала на полу, а все работы деда оказались разбиты на мелкие черепки, так что невозможно

было понять, где голова, а где плечо. Дед, как и сам Ложкин, лепил только из глины, не признавая других материалов.

Ложкин набрал код и открыл первую дверь. За нею все оказалось так, как и рассказывал дед. Большая кадка с влажной глиной, поросшая серой плесенью, откуда Ложкин сразу же отобрал – заранее взятой лопаткой – килограмм пятнадцать материала; несколько странных скульптур небольшого размера и металлический полированный цилиндр, примерно метровой высоты.

По поверхности цилиндра перебежали легкие световые блики, будто отражение игры невидимого света, и Ложкина это сразу заинтересовало. Он провел по металлу рукой; поверхность была теплой и необъяснимо приятной на ощупь. Видимо, это был один из подарков, о которых рассказывал дед. Ложкин выключил электрический свет, чтобы лучше видеть это необычное свечение, однако оно вскоре исчезло.

После этого Ложкин открыл сейф; обещанные ему деньги лежали в целлофановых пакетиках, перехваченных резинками; их было много, и пакетиков, и денег. Столько денег сразу Ложкин еще никогда не видел в своей жизни. Максимум, что ему однажды удалось скопить – тысяча девятьсот долларов, причем деньги те долго не продержались. Он открыл один из пакетиков (ему все казалось, что кто-то смотрит в спину, ведь наружная дверь осталась не заперта) и подержал в пальцах сотенную бумажку. Одна из его знакомых (странная дама, бредущая голову налысо и пьющая водку с перцем) однажды сказала, что от такой бумажки веет негативной энергией, в десять раз сильнее, чем от десятки. Никакой негативной энергии Ложкин не чувствовал. Напротив, банкнота давала ощущение приятной силы.

Сейчас он держал в руках часть тех денег, из-за которых его предок решился на тройное убийство. Часть тех денег, из-за которых до сих пор умирают дети. И будут умирать. Это были проклятые деньги. Сконденсированная смерть. Ложкин положил банкноту на место и закрыл сейф. Деньги есть деньги, их нужно тратить, с одной стороны. Они не пахнут и не имеют памяти. А с другой стороны, ему не хотелось пользоваться этими деньгами. Во всяком случае, он не возьмет их без крайней необходимости.

Потом он отпер второй замок. Тяжелая дверь отошла мягко и без скрипа: видимо, петли были отлично смазаны. Ложкин вздрогнул – ему показалось, что кто-то потянул с той стороны. Он прислушался, ожидая услышать хоть что-нибудь, но услышал лишь гулкую объемную тишину. Просто сквозняк, ничего больше, – подумал он. – Сквозняк и нервы.

Самое главное находилось именно здесь.

За дверью виднелся темный коридор и хорошо освещенная лестница с высокими ступеньками. Видимо, электричество здесь включалось автоматически, как в холодильнике. Ложкин прошел сквозь коридор, стараясь ступать очень тихо, продолжая прислушиваться к тишине, и остановился перед первой ступенькой из тридцати пяти; узкая лестница поднималась над ним, как длинная труба. На ступеньках лежала пыль, а в ней отпечатались следы, напоминающие следы ворон на снегу. Впрочем, это были следы гораздо более крупной птицы. Пыль выглядела так, словно человек не поднимался здесь уже несколько месяцев. В самом верху трубы виднелась щель приоткрытой двери. Двери, которую невозможно запереть, двери в иной мир.

* * *

Глина, которую он взял с собой, была приятного розово-коричневого оттенка, она оказалась очень пластичной и имела равномерную консистенцию. Хорошо держала форму. Хорошо смешивалась с обыкновенной глиной, и Ложкин поначалу точно выдержал пропорцию один к десяти, о которой говорил дед. Выдержал, а затем добавил еще чуть-чуть. Он

не мог удержаться – как артист Куравлев, который все же взглянул на карикатурно нелепого Вия.

Итак, он изготовил смесь. Она не давала трещин при предварительной просушке. Когда ее поверхность высохла до кожаной твердости, Ложкин занялся точной проработкой деталей. Он собирался изготовить довольно простую вещь, скорее упражнение, чем серьезную скульптуру: модель своей левой руки. А свою руку он лепил уже столько раз, что знал наизусть каждую морщинку на ней.

Он вылепил точный рисунок вен, остановился на выступающих костях пальцевых суставов. Сейчас кости выступали чуть сильнее, чем обычно, потому что рука стала тоньше; за последние дни Ложкин заметно похудел. Закончив с этим, Ложкин прорисовал основные морщины и линии ладони, сделал линию жизни длиннее и глубже, из какого-то детского суеверия выровнял линию судьбы. Линию сердца он почти не изменил, она и так была превосходна. Особенно тщательно он вылепил ногти и отшлифовал их до матового блеска; как ни странно, глина это позволяла. Затем отнес модель в печь.

У деда имелось две печи для обжига: маленькая и большая. Большая имела рабочую камеру величиной с кабину лифта, маленькая была чуть больше обычной микроволновки и работала на том же принципе. Большая стояла во дворе, маленькая – в доме. Обе имели хорошую регулировку температуры, с большим диапазоном и точной настройкой. В большую печь был встроен компьютер, для компенсации конвекционных потоков, для различных градиентов нагрева, для поддержки девяти разных кислородных режимов, для разных скоростей нагрева и охлаждения и для всего прочего. Ложкин просто не представлял себе, сколько стоит такая печь. Маленькая, попроще, была стандартной и стоила около тысячи долларов. Такие имелись во многих хороших мастерских. К вечеру Ложкин закончил обжиг модели и оставил ее остывать. Теперь ему оставалось только ждать.

Дом стоял на самом краю города, и в километре от него начинался лес. Вечером, около половины девятого, когда небо еще оставалось светлым, Ложкин вышел прогуляться, взяв с собой Полкана, уже пришедшего в себя и веселого, хотя и похожего на старую корзину, из-за страшно торчащих ребер.

Путь к лесу был недолгим, и хорошо знакомым. Вначале Ложкин спустился в овраг, который лежал за огородами. По пути он увидел соседей, которые сосредоточенно копали землю. Ложкин поздоровался с ними, но те не ответили. Они лишь наклонили головы, изображая нездоровое усердие. Ложкин повторил приветствие, но люди отвернулись, не желая его видеть.

Он пожал плечами и отправился дальше. Бог им судья.

Выйдя к лесу, он напился из колодца с ледяной водой, поднимая голову после каждого глотка, бросил в колодец лягушку, пойманную тут же. Он не делал этого больше двадцати лет; сейчас он снова был ребенком, просто нацепившим маскарадный костюм громоздкого взрослого тела; лягушка сделала всего один брык задними лапами и мягко легла на меловое дно в углу колодца. Еще несколько часов он лежал на траве, смотрел в небо, вначале тонущее в плывущей синеве, а затем пылающее от бесконечности звезд, и алчно вспоминал. Есть некие светящиеся вещи, о которых вспоминают только один раз, любое воспоминание будто выключает их свечение. К полуночи, когда в его душе уже ничего не светилось, Ложкин встал, разбудил мирно сопящего тупого Полкана, и направился обратно. Вдоль дороги плыли светляки. Полкан резвился в траве, имитируя охоту.

В комнате он нащупал выключатель, щелкнул и сразу же увидел модель руки, остывающую на подоконнике. Та самая глина, из которой Бог слепил Адама, – что могла означать эта фраза? Просто чушь? Непонятую метафору? Что рука оживет? Но ведь Ложкин не бог, а чтобы оживить мертвое вещество мало быть хорошим скульптором. Он дотронулся до

глиняной руки – рука все еще была теплой. Глина уже стала твердой как камень. С ней не случилось ничего необычного, лишь глиняные ногти стали длиннее.

Что? Что это? Он замер, пораженный.

Ложкин поднес модель руки поближе к свету. Может быть, да, может быть, нет. Разница была такой небольшой, что даже его профессиональный глаз мог легко ошибиться. Доли миллиметра, не более того. Ногти не могут отрастать на глиняной руке. Или могут, если на самом деле это не-глина? Некая сверх-высокотехнологичная имитация глины? Если уже через два с половиной часа после обжига начали расти ногти, то что же произойдет после этого?

11. После этого...

После этого он уже не мог спать. До трех часов утра он не сомкнул глаз, он ложился и вставал, пил кофе, включал телевизор и выключал его снова, каждый час смотрел на глиняную руку, пытаясь заметить изменение, но ничего не замечал.

Затем он уснул прямо за столом.

Он проснулся с колотящимся сердцем, проснулся от страшной и нелепой и совершенно абсурдной мысли, которую невозможно было выразить словами. Чтобы прийти в себя, понадобилось несколько минут. Ложкин выпил холодной воды из холодильника и пошел смотреть на глиняную руку. Осмотрел ее со всех сторон и заметил явное изменение: сейчас линия сердца на глиняной ладони резко прерывалась, что могло означать, например, смерть или болезнь любимого человека. Ложкин даже не удивился, он понял, что ждал этого. Более того, он был уверен, что этим дело не кончится.

– Надо же, – сказал он. – Всего лишь десять процентов с мелочью, и уже такой эффект. А что, если... Черт побери, я же обязательно попробую!

У него было такое чувство, словно он выиграл в лотерею.

Когда взошло солнце, он снова отправился в подвал. Спустился, открыл обе двери и поднялся по тридцати пяти ступенькам, оставляя отпечатки своих ног в пыли.

Он увидел знакомый двор знакомого дома, и солнце сияло в ослепительном воздухе над лесом. В противоположной стороне был серый каменный город. Неужели действительно город без людей, обещанный дедом?

Ложкин вышел за ограду. Я этому верю? – спросил он сам себя. – Ты спускаешься в подвал, пройдя тридцать пять ступенек, затем идешь метров двадцать пять по подвалу, после чего снова поднимаешься по точно таким же ступеням, – и вдруг оказываешься в совершенно чужом мире? Возможно ли это? Почти точная копия нашего мира, но без людей? Еще минута – и кто-нибудь появится на улице, и тогда все станет просто фантастическим розыгрышем.

Но минуты шли, а никто не появлялся. Ложкин неторопливо перешел через пустую улицу, вошел в чужой пустой двор, поднялся на крыльцо и вдавил кнопку звонка. Потом еще раз и еще. Повернул ручку, и дверь открылась.

– Эй, хозяин! – позвал он.

Но в доме никого не было. Здесь все выглядело так, будто хозяева ушли несколько часов назад. Срезанная роза в вазочке на столе выглядела свежей. Мягкие игрушки были разбросаны на полу. В серванте – кошелек с деньгами и с вырезанной из картона детской ножкой, чтобы примерять туфельки на базаре.

Целый мир без людей – это пока еще не укладывалось в его голове. Мир, соприкасающийся с нашим в единственной точке, и эта точка прямо под домом. Если это целый мир, то в нем есть и свои Курилы и своя Африка. Есть своя туманность Андромеды, свои скопления метagalactic в миллиардах световых лет от Земли. Нет, это нереально, этого не может быть. Эта штука должна быть устроена как-то иначе. Он аккуратно положил кошелек на место. Проблема в том, что деньги выглядят совершенно настоящими. Это большая проблема. Скорее всего, деньги и есть настоящие. В этом городе-двойнике должны быть магазины, кассы, обменные пункты, банк, в конце концов. Все это не охраняется, а значит, этот город просто рай для воров и грабителей. Здесь можно грабить, угонять автомобили, взрывать здания и подкладывать бомбы в самолеты. Если взорвать бомбу здесь, то что произойдет там?

Если два мира одинаковы, – подумал он, то каждое мое движение должно отражаться там, в той реальности. Кто я для них: привидение? Полтергейст, переключивающий предметы с места на место? Я брал в руку кошелек, открывал его и пересчитывал деньги. Двигался ли кошелек в том мире?

Он зашел еще в два дома, и везде было то же самое: двери не заперты, хозяев нет. Затем город ему надоел; он свернул в противоположную сторону и направился к лесу, той самой дорогой, которой прошлым вечером. Здесь все оставалось тем же, не было лишь людей, копавших землю. Впрочем, земля была вскопана, в ней торчала лопата. Это означало, что два мира и на самом деле тесно связаны. Если что-то происходит в одном из них, это сразу же отражается в другом. Эту идею стоило бы проверить.

Он добрался до колодца, в который вчера бросил лягушку; лягушка была на месте, она была точно такой же и точно так же лежала в углу, на меловом дне.

Ложкин опустил руку в ледяную воду, но не достал до дна. Потом придумал кое-что получше: поднял гвоздь и нацарапал на деревянной стенке букву "Л". Стоит посмотреть, появится ли эта буква в мире людей, – подумал он. Чем плох эксперимент?

Когда он шел обратно, то увидел кое-что новое. На траве лежала большая черная птица со сломанным и неестественно вывернутым крылом. Птица дышала, ее глаз, обращенный к Ложкину, был полуприкрыт. По форме тела птица напоминала стрижа, но была раз в десять крупнее. Ложкин нагнулся над нею и погладил шелковистую блестящую шейку. Птица вздрогнула и затрепыхала здоровым крылом.

Это было лучшим доказательством. Только сейчас Ложкин окончательно поверил в реальность этого мира. Подобных птиц в мире людей просто не было. Их никогда не существовало.

Он вдруг почувствовал головокружение. Что со мной? Что, если воздух этого мира ядовит для человека? – подумал он. – Нет, ерунда, не может быть. Так не должно быть. Просто я почти не спал ночью. Плюс, – плюс, просто слишком много впечатлений для одного дня.

Однако он и не подозревал, что еще ждет его этим утром.

12. Этим утром...

Этим же утром он снова отправился в лес. Он хотел проверить, появилась ли нацарапанная буква «Л» на стенке колодца. В этом, человеческом мире, не было руки, которая подняла гвоздь и нацарапала букву. А если буква все же появилась сама собой, никем не написанная, значит, законы природы были нарушены. По крайней мере, нарушены известные нам законы природы. Значит, все Ньютоны и Эйнштейны, вкуче с подобными им Пифагорами, оказались неправы.

У дома напротив гуляла девочка лет шести. Это был тот самый дом, в который Ложкин только что входил, – но входил в ином мире. Сейчас, разумеется, дом не был пуст. Сейчас перед Ложкиным была та самая девочка, у которой мать сняла мерку с ноги и мерку спрятала в кошелек. Только что он собственными пальцами открывал этот кошелек, чужой кошелек в чужом доме, и даже пересчитывал деньги, чужие деньги. Подушечки пальцев еще помнили его выпуклую шершавую поверхность. И если бы он случайно переложил кошелек в другое место, то что бы произошло в этом мире, – как бы это произошло? Кошелек просто бы прыгнул в воздухе на глазах у изумленной семьи? Сам собою прыгнул и приземлился на новое место? Ложкин подошел к девочке.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Станкостроительный завод, – серьезно ответила девочка.

– Ты любишь разбрасывать игрушки по полу? Твои игрушки разбросаны по полу, да? Серая мартышка, маленький красный медведь...

– Это не игрушки, а станки, – сказала девочка.

– А на столе в комнате стоит красная роза, правильно?

Девочка прищурилась и впервые посмотрела на него внимательно.

– Это производственная тайна, – ответила она.

Наверное, ее отец был каким-нибудь инженером или мастером. Ложкин отвернулся и пошел вниз по улице.

– Обязательно составьте смету! – крикнула вдогонку девочка-завод.

Молчаливые люди были на своем месте и снова молчаливо копали землю.

– Здравствуйте, соседи! – крикнул им Ложкин. – Оглохли вы, что ли? Я же с вами здороваюсь.

Один из мужчин воткнул лопату в землю и разогнул спину. Поднял на Ложкина тяжелые глаза.

– Шел бы ты отсюда, – сказал он. – А то, не ровен час, нарвешься.

– Нарвусь на что? Может быть, ты мне объяснишь? Популярно, как мужчина мужчине. Но человек снова взял лопату и принялся сосредоточено копать.

– И все равно, здравствуйте! – крикнул Ложкин. – Бог вам в помощь!

Колодец темнел во влажном полумраке под деревьями. Ложкин был почти уверен, что увидит нацарапанную букву, большую "Л". Но он никак не ожидал того, что случилось на самом деле: буква превратилась в слово, которое он никогда не писал. Надпись была такой:

киллер

Ложкин несколько раз перечитал написанное. Это слово, без всякого сомнения, означало "убийца". Мелкие волоски на его руках встали дыбом. Убийца? Убийца кого? Кто убийца? Не может быть, чтобы я, – подумал он.

Появившееся слово наверняка было как-то связано с его вчерашним сном. Со сном, который повторялся уже столько раз.

Впервые Ложкин увидел этот сон зимой, шесть месяцев назад. В тот раз еще не было убитой девушки, а была лишь тягостная уверенность в том, что он кого-то убил, и в том, что ему удалось кое-как замести следы. Сон был настолько отчетлив и мучителен, что Ложкин не мог прийти в себя несколько дней. То, что он чувствовал, это было не долгое рассасывание горького леденца сна, как то часто бывает, это были самые настоящие угрызения совести. Сколько он ни говорил себе, что сон это всего лишь сон, совесть не успокаивалась. Но вот прошло шесть месяцев, зима сменилась летом, и страшный сон начал воплощаться в реальность.

Он чувствовал это, но не мог найти объяснения этому. Слово «киллер» было абсолютно реальным, но, чтобы убедиться в этом, Ложкин провел по нему пальцами. Он почувствовал себя так, будто увидел громадную черную волну, катящуюся на него и уверенно сносящую все на своем пути. Это слово появилось не случайно.

Вдруг он услышал шаги за своей спиной.

– Ты чей, мужик? – спросил незнакомый голос. В голосе слышалась явная угроза.

Он резко обернулся, испугавшись не голоса, а его неожиданной близости.

Рядом стояли два парня лет двадцати пяти, оба в одинаковых кепках с длиннейшими козырьками, очень похожие друг на друга, настолько, что вначале Ложкин принял их за близнецов. Один из них смотрел по сторонам, проверяя, нет ли кого поблизости. Когда он повернулся, Ложкин понял, что столь сильное сходство двум лицам придавали не одинаковые черты, а одинаковые выражения. И выражения эти не сулили ничего хорошего.

– Я свой, – ответил Ложкин.

– Своих я всех знаю. Я спрашиваю, ты чей? Шо, мужик, испугался?

Видимо, волнение последних секунд еще отражалось на его лице.

Ложкин сделал шаг к говорившему.

– Я свой собственный, – ответил он, – ты что, еще не заметил?

Мелкие пузырьки бешеной ярости заискрились в его крови, вспенивая ее, как шампанское.

Вдруг парень ударил Ложкина в грудь. Любое рукоприкладство всегда смущало Ложкина; именно из-за этого смущения, а не из-за страха или слабости он не любил давать сдачи, когда на него нападали в школе. Впрочем, он всегда любил смотреть бокс по телевизору. Бывшая жена его, остроносая Эльвира, тоже любила смотреть бокс по телевизору, а в запале супружеской ссоры она однажды разбила о стену стул. Это был, пожалуй, единственный раз, когда Ложкин замахнулся на кого-то кулаком. Замахнулся, но все же не ударил. А поденок сосед снизу не в счет. Он давно напрашивался.

Сейчас Ложкин пошел дальше. Он сочно ухнул негодяя по лицу, целясь куда-то в область глаза; удар пришелся в нос, из которого сразу же закапала красная струйка. Бить было радостно и здорово, как прыгать в воду головой вниз. Это уж точно дед сказал. Настоящая драка, как и настоящий секс, – два древнейших обязательных, потрясающих наслаждений мужчины, и даже неизвестно, что из них лучше. Мы просто созданы для этого, черт бы нас побрал!

Второй удар рассек парню щеку. Тот прикрыл лицо руками, а Ложкин продолжал, разбивая костяшки пальцев, лупить его по голове, которая опускалась все ниже. Когда первый из противников упал, Ложкин обернулся ко второму. Однако, тот держал в руках нож.

У колодца валялось немало всякого мусора, как в любом месте, где пророй останавливаются люди, но где никто не собирается убирать. Было несколько осколков кирпича, разбитая бутылка и обрезок оцинкованной трубы со сломанным краном на одном конце. Все это сгодилось бы как оружие. Ложкин поднял трубу, и глазенки у нападавшего сразу пригасли. Сейчас ты, скот, узнаешь...

– Э, – сказал парень, – давай я бросаю нож, а ты бросаешь это.

– Не-а, – возразил Ложкин и уверенно двинулся на него. – Нет, сволочь, сейчас мы с тобой порезвимся.

– Эй, бросай, я сказал!

– Если ты принял меня за ангела, то ты ошибся, – ответил Ложкин и замахнулся.

Парень отступал, пятясь в растерянности. Он поскользнулся на влажной глине и потерял равновесие. Ложкин ударил и попал по руке, державшей нож. Нож упал в траву; парень хотел что-то сказать, но Ложкин ударил его ногой в пах, а затем, когда тот согнулся, как переломленный, еще коленом в лицо. Удар получился с хрустом, как в кино.

– Чё, быдло, еще вопросы будут? – спросил он.

Вопросов не было. Уходя, он пнул под ребра одного из лежавших. Только сейчас он почувствовал боль в груди. Оказывается, самый первый удар был не таким уж и слабым. А костяшки пальцев кровоточили.

Драка доставила ему удовольствие, она освободила что-то теснившееся внутри, ему сразу стало легче, одни проблемы отступили на задний план, а другие сразу же потеряли важность. Мир стал в десять раз проще и в десять раз прочнее. Надпись на стенке колодца уже не волновала его совершенно. Была бы возможность, дрался бы каждый день, – пошутил он про себя. – Ну, черт побери, а я ведь и вправду не ангел! Откуда во мне это? Неужели только жало сморва? Или дело во мне, или это я сам такой?

Последняя мысль доставила ему странную радость.

Он вошел в ближайший к дому магазин и попросил полкило колбасы и копченую курицу, которая хвастливо именовалась окороком. Продавщица, молоденькая девчонка в штанишках, живописно облегающих худую попку, не обратила на него внимания.

– Эй, я к вам обращаюсь! – громко сказал Ложкин.

– Я вас не обслуживаю, – ответила продавщица, глядя в сторону.

– Почему это вы меня не обслуживаете?

– Потому что не хочу. Уходите и не мешайте мне работать.

– Нет, я это так не оставляю.

– Оставьте, оставьте, – сказала женщина, стоявшая поблизости и рассматривавшая кусок говядины с внимательностью старателя, моющего золотой песок.

– Почему это?

– Давайте выйдем, и я вам объясню, – она плюхнула драгоценный кусок мяса обратно в лоток.

Они вышли на порог магазина, и Ложкин спрятал руки за спину, вдруг застеснявшись своих разбитых кулаков.

Женщине на вид было около двадцати или чуть больше, но назвать ее девушкой не повернулся бы язык: в ней ощущалась спокойная женская опытность, ее круглое приятное лицо светилось почти материнским, слегка покровительственным выражением. Такое лицо бывает у женщин, познавших трясину жизни еще в детстве, и сумевших благополучно из нее вырваться.

– Вы ведь живете в сорок седьмом доме по нашей улице? – спросила она и Ложкин согласился.

– Вас не любят как раз поэтому. Вы живете в доме колдуна, который мы привыкли обходить десятой дорогой.

– Вы верите в колдовство?

– Да не знаю, – протянула женщина, глядя в пыльный солнечный воздух, так, словно вспоминала что-то, – просто ваш дед сделал многое, чтобы заслужить свою дурную славу. Никто поэтому здесь не будет с вами разговаривать. Никто с вами даже не поздоровается.

– Но как же мне купить колбасу?

– Пройдите два квартала к центру. Вот такой вам совет. Там есть большой продуктовый магазин со многими отделами. Здание с желтой крышей, вы сразу его увидите. Вас там никто не знает. Но на вашем месте я бы уехала прямо сегодня. Жизни вам здесь не будет, даже если вы и не колдун, – она мило улыбнулась, повернулась к нему и подала маленькую тонкую ладонь. – Валя, будем знакомы. А вы Андрей Ложкин.

– Откуда вы знаете?

– Я бывала в доме вашего деда.

– И вы верите, что он колдун?

Она округлила глаза и ответила шепотом.

– Конечно, он колдун. Можно подумать, что вы в этом все еще сомневаетесь.

– Мне не хватает вашей уверенности, – откровенно сказал Ложкин.

Сейчас у него было такое чувство, что он знает Валю давно; что-то очень знакомое сквозило в этой приятной невнимательности, в закругленности интонаций, в...

– Эта уверенность не дается просто так, – сказала Валя, – вы бы не бросались словами, если бы знали, как она дается. Кстати, когда мне было тринадцать лет, я была в вас влюблена как дура. Я убиралась в доме вашего деда, а вы там гостили и очень умно говорили об искусстве. А я была темная и наивная, как не знаю кто. Вот я и влюбилась. Так что мы очень давно знакомы. Только не напрашивайтесь меня провожать, я убегаю. Всего хорошего.

Она спустилась по ступенькам и оставила вспоминающего Ложкина тупо стоять на пороге. Никакой Вали он не помнил. Но это был приятный сюрприз.

13. Сюрприз...

Сюрприз ждал его и дома. Еще издалека он услышал бешеный захлебывающийся лай Полкана, а подойдя, увидел, что стекла двух окон на первом этаже выбиты, и клумба вытоптана.

Во дворе топтались трое мужчин. Один из них был высоким, здоровенным мужиком с широким, будто вдавленным лицом и каким-то темным мутным взглядом. Второй экземпляр, явно восточной национальности, был крепко под градусом и блаженно улыбался. Третьим был один из парней, с которыми Ложкин столкнулся полтора часа назад.

– Бес, позволь я его убью, – сказал парень, – прямо сейчас.

– Заткни хавальник, – ответил Бес, – я поговорю с ним сам. А потом и тебе что-нибудь дам. То, что от него останется.

– Мужики, это, кажется, называется проникновение со взломом, – начал Ложкин. – Вы сбили замок. Это мой дом, и если вы отсюда не уберетесь... Для начала я просто вызову милицию.

– Ты смотри, он просто вызовет милицию, – сказал пьяный, – он думает, что это будет просто!

Приподнятое настроение последнего часа еще не совсем улетучилась, и все происходящее казалось Ложкину нереальным и невозможным.

Бес схватил его за рубашку на груди и прижал к забору. В его пальцах чувствовалась такая сила, что сопротивляться было просто нереально. Плюс весовая категория: Бес весил чуть ли не в два раза больше Ложкина.

– Петька, поищи в сарае, – приказал Бес кому-то из своих, – может быть, найдешь что подходящее.

– Там вилы есть, – ответил парень с перебитым носом. – Принести?

– Вилы подойдут, – ответил Бес.

Не хватало еще, чтобы меня накололи, как бабочку, – подумал Ложкин. – Интересно, этот сброд способен на такое? Да нет, не может быть! Несколько местных дебилов, рассердившихся на городского пижона, который ухитрился надавать им по мордасам... За это не убивают.

В этот момент Бес обернулся и чуть отстранился, не отпуская его. Ложкин изо всех сил ударил его ногой в колено, в тот же момент дернулся вниз, пытаясь вырваться, и ударил еще раз, в солнечное сплетение. Ощущение было такое, будто бьешь в толстую стену из гипса. Свободной рукой Бес потер коленку.

– Погоди, щас будет весело, – сказал он. – Не спеши.

После того, что сказала женщина в магазине, надеяться на снисхождение не приходилось.

Бес взял вилы и приставил их к животу Ложкина. Затем надавил так, что Ложкин едва не задохнулся.

– Нравится? – спросил он. – Вижу, что нравится! Только не дергайся, а то проколю как помидор. Петька, бей его. Разрешаю три удара. Но так, чтобы не увечить, пока еще рано. По Дерибасовской гуляют постепенно.

После третьего удара колени Ложкина подогнулись, и он свалился в пыль. В голове вращалась сломанная карусель, а один глаз вообще ничего не видел. Бес убрал вилы, а затем с размаху ткнул ими в забор, прямо над головой Ложкина.

– Поэтому смотри, змея, – сказал он, – пока что я разрешаю тебе уехать отсюда самому. Пока разрешаю! Если ты не слушаешься, тебя отсюда увезут в машине скорой помощи.

А если ты появишься и после того, тебе дорога только на кладбище. Никто тебе не поможет. Никто не поможет, если тебе пообещал это я.

Всю весомость угрозы Ложкин понял только тогда, когда оклемался и с превеликим трудом выковырял вилы, торчащие в досках забора. Четыре зубца пробили доски насквозь и сидели прочно, как гвозди.

Как только гости ушли, глупый Полкан успокоился и уснул в своей конуре. Ложкин вошел в дом. Под ногами ерзали битые стекла.

– Сволочи! – громко сказал он, взглянув на свое отражение в зеркале. Левый глаз заплаыл так, что теперь целый месяц нельзя будет показаться людям. А население, живущее по соседству, будет хихикать в тряпочку и с интересом следить за развитием событий, все, как один, болея против него. Он ударил кулаком в стену; боль успокоила его.

– Нет! Я понял! – вдруг сказал он вслух. – Какой же я дурень!

Только сейчас до него окончательно дошел смысл происходящего. Вторая драка вовсе не была возмездием за первую. Оба раза его пытались избить и вытурить из Еламово! Кому-то его присутствие здесь здорово мешало. И этот кто-то способен на многое. И Валя говорила то же самое: просила уехать! Ну, теперь-то уж он не уедет. Не уедет ни за что, вы и не сомневайтесь! Вы, ребята, выбрали самый дряной путь, если хотели меня прогнать.

Когда в дверь постучали, он вздрогнул.

На пороге стояла девочка – станкостроительный завод.

– Мама велела передать вам зеленку, – сказала девочка, поставила пузырек на пол и ушла, насвистывая песенку.

Пузырек с зеленкой. Веселое издевательство.

Ложкин в ярости хватил по столу рукой. Глиняная модель руки свалилась на пол и рассыпалась в черепки.

– Ничего, я вам еще покажу! – пообещал он и толкнул ногой черепки. – Я вам еще праздник устрою!

Потом он умылся, выпил пива, которое еще оставалось в холодильнике, и спустился в подвал. Его все еще обуревало желание кому-то что-то показать и доказать, он не сомневался, что так и сделает, хотя и не знал пока, каким образом. Он был уверен, что в его руках оказалась сила, способная стереть в порошок любую толпу любых негодяев. Теперь дело было лишь за малым: научиться этой силой пользоваться.

Он взбежал по ступенькам, ведущим к той двери, которая никогда не может быть закрыта, и снова оказался в мире без людей. Сейчас здесь дул ветер, неожиданный прохладный ветер, которого не было в человеческом мире. Это что-то означало, и Ложкин остановился, чтобы подумать. "Разгулялося синее море", – вспомнил он слова из сказки.

Что я могу? – думал он. – Конечно, действуя отсюда, я могу менять ту, настоящую, реальность, но ведь изменения будут не теми, которые мне нужны. «Л» и "убийца", это совсем не одно и то же, хотя слово и выросло из буквы. Пока я не знаю законов этих превращений, было бы глупо что-то предпринимать. Думай, голова, думай! Так что же я еще могу? Стоп, стоп, почему умер дед? Несколько переломов, внутреннее кровотечение и отбитые почки. Кажется, яснее ясного. Теперь то же самое грозит и мне? Но почему дед умер так спокойно – и даже весело? Так ведь не умирают. А ведь дед не из тех, кто может простить обиду. И еще одна невероятная вещь: дед надеялся вернуться. Дед был уверен, что вернется! Вот поэтому он умирал спокойно! Это хорошо, это я понял, но вернемся к началу: что же мне делать?

И вдруг его осенило: глина. Та самая глина, из которой Господь слепил Адама. Если и не та же самая, то очень близкая по свойствам. Что произойдет, если вылепить фигуру не из десятипроцентной смеси, а из чистой глины? Из чистой глины! Без примесей! Чем станет эта фигура? Что она мне даст?

На последние вопросы у Ложкина не было никакого ответа, не было даже догадки. Единственное, во что он верил твердо – нечто особенное произойдет. И чем бы ни было это нечто, оно явится достаточной силой в его руках.

Он снял с плеча сумку и вынул из нее лопаточку для глины.

Для начала стоит попробовать вылепить что-нибудь небольшое, – думал он, – не больше десяти килограмм. Времени немного, потому что ребята обязательно вернутся. Но не стоит сразу же жать на кнопку, не зная, какой механизм эта кнопка включает. Имея дело с неизвестной силой, нужно быть осторожным.

У самой глиняной ямы лежала большая черная птица, может быть, та же самая, которую Ложкин видел этим утром, либо очень на нее похожая. Большая птица с перебитым крылом.

– Не горюй, птаха, я тебя вылечу, – сказал Ложкин. Птица открыла затянутый серой пленкой глаз и посмотрела на него оценивающе, так, словно поняла его слова.

Ложкин нагнулся над ней.

– Больно тебе? Подлечим. Хочешь есть? – накормим. Не знаю, кто ты такая, но чувствую, что ты мне понадобишься. Спасу тебя, как Иван-Царевич спасал щуку. Или какую там рыбу он спасал? Камбалу?

Птица сделала попытку приподняться на лапы и тяжело переползла к самым ногам Ложкина. Затем уцепилась когтями за его брюки и с неожиданным проворством взобралась ему на спину, а оттуда на плечо.

– Конечно, дед мне приказывал ничего не брать отсюда. Но он не говорил мне о птицах. Если быть точным, я уже брал многое: я дышал здешним воздухом и пил здешнюю воду. А что, если я съем здешнее яблоко? А вдруг я беру птицу, чтобы общипать еще и поджарить, а, что ты думаешь, птица? Ты ведь на самом деле еда, а на еду, на воздух и питье запрет деда не распространяется. Хотел бы я быть в этом уверен.

Птица попыталась взобраться ему на голову и оцарапала шею когтями.

– Тихо, чирик, тихо, – сказал Ложкин. – Лучше спускайся сюда. Вот тебе моя рука.

14. Рука...

Рука была прекрасной моделью для новой скульптуры.

Ложкин сразу решил, что будет лепить: еще раз руку. Во-первых, для чистоты эксперимента: сразу можно будет увидеть разницу. Во-вторых, вылепить руку это недолго и совсем не тяжело.

В этот раз он был уверен в результате. Он даже не особенно старался, прорабатывая детали: чистая, стопроцентная глина все должна сделать за него. К концу дня он закончил работу и оставил модель остывать. Он плохо спал уже несколько последних ночей, и сейчас ему не хватило сил дожидаться; он просто почувствовал, что засыпает за столом. Кое-как он добрался до дивана, свалился на него и мгновенно уснул черным тяжелым сном.

Проснулся он в полной темноте – от того, что кто-то дергал его за палец. Вначале он даже не мог вспомнить, где находится, но вдруг пришло понимание – и он подпрыгнул, как выстреленный катапультий. Нечто бегало по полу в темноте; Ложкин еще помнил его прикосновение, оно было похоже на прикосновение человеческих пальцев.

Кое-как он стал на пол, затем прошел несколько шагов до выключателя. Выключатель все не находился, а нечто двигалось сзади и дергало его за носок.

Наконец, его палец включил свет. Глиняная рука испуганно прижалась к полу. Только теперь глины в ней не было и в помине, глина превратилась в плоть.

– Ага! – сказал Ложкин. Рука отбежала и спряталась под стулом. Выглядела она не столько страшно, сколько комично. Она не только умела передвигаться, но еще ощущала свет и могла слышать.

– Иди сюда!

Рука послушно приблизилась.

– Ближе!

Рука подвинулась так, что Ложкин коснулся ее пальцами. Странное ощущение. Рука была теплой, похоже, что глина еще не успела остыть до конца, как произошло превращение в живой организм. Та самая глина, из которой слепили Адама.

– Ты меня понимаешь? – спросил Ложкин.

Рука никак не прореагировала.

– А если понимаешь, и даже если не понимаешь, то у тебя должен быть мозг. Где твой мозг, где твои органы питания? В тебе должна быть кровь, я это обязательно проверю. А если есть кровь, должно быть и сердце. Если ты бегаешь и тратишь энергию, значит, ты обязана что-то есть. Ложись на стол.

Он положил руку на стол, ладонью кверху, но та проворно ускользнула и зарылась в газетах. Из нее получился бы милый домашний питомец, не хуже котенка, – подумал Ложкин. – жаль, что придется ее...

Он сходил на кухню и взял нож, собираясь сделать небольшой надрез. Он хотел проверить, есть ли кровь внутри. Во всяком случае, под кожей руки выступали вены, а на коротком запястье отчетливо бился пульс.

Прижав руку к столу, он уколол ее кончиком ножа. Он никак не ожидал того, что произошло после этого: кровь внезапно брызнула фонтаном, залив ему лицо и испачкав рубашку. Существо страшно завизжало и вырвало у Ложкина нож. Рука держала нож тремя пальцами и медленно передвигалась на оставшихся двух. Она соскочила со стола и поползла к Ложкину, держа нож впереди себя. Когда она ползла, за нею оставался кровавый след.

Ложкин стал отступать к лестнице, затем поднялся на несколько ступенек. Рука поползла к нижней и остановилась в нерешительности. Она чувствовала врага, но не могла одновременно и держать нож и взбираться по ступенькам. Наконец, она положила нож впе-

реди себя и начала подтягиваться на пальцах. Ложкин прыгнул вниз и толкнул нож ногой, так, что тот отлетел на середину комнаты. Рука схватила его за лодыжку и начала давить. Ложкин попробовал оторвать ее, но пальцы держали мертвой хваткой. Давление все усиливалось, а вместе с ним и боль. Еще минута – и пальцы сломают ему кость. Ложкин закричал, упал и начал кататься по полу, в беспомощных попытках освободиться от маленького монстра. А затем он схватил нож, который лежал рядом.

Хватка начала ослабевать после нескольких ударов. Ложкин продолжал бить, колоть, резать, и пальцы чудовища постепенно расслаблялись. Из руки вытекла целая лужа крови, и просто непонятно было, где же она там помещалась. Умиравшее создание тихо стонало, изредка всхлипывая или издавая череду быстрых взвизгов, затем замолкая. Наконец, руку удалось оторвать. Ее пальцы еще подергивались, но в них не было силы. Ложкин с трудом поднялся на ноги: левая болела так, будто только что ее зажимали в тиски.

Когда рука окончательно умерла и больше ни на что не реагировала, Ложкин попытался ее анатомировать. Как скульптор он хорошо знал устройство человеческого тела, расположение костей, мышц, связок и сухожилий. Его ждало разочарование. Вначале, когда он снял кожу, то увидел нормальные кости человеческой руки, никаких дополнительных органов не имелось. Когда он попробовал проникнуть глубже, ткани начали крошиться и рассыпаться: рука снова превращалась в глину, или, точнее, в прах.

До утра он успел еще дважды вылепить глиняные человеческие фигурки, каждая сантиметров пятнадцать ростом. Увы, гномики не проявляли никаких признаков жизни. Глина оставалась глиной, и Ложкин так и не понял, в чем был секрет.

Намаявшись, он, наконец, вспомнил о черной птице с перебитым крылом. Он сварил яйцо вкрутую, почистил, мелко порубил и предложил птице. Она не стала есть, но Ложкин не сдался: почистил десяток семечек, разжевал их и втолкнул птице в рот. Затем залил ей в рот воды из шприца. Птица жевала и отплевывалась. Ложкин так и не понял, съела ли она хоть что-нибудь. Когда кормежка закончилась, он отнес птицу в кладовку, где уже стоял ящик с полотенцем, очень приблизительная модель гнезда, – отнес и запер ее на замок.

15. Замок...

Замок на той двери, которая прикрывала лестницу в подвал, куда-то исчез.

Ложкин удивленно остановился перед дверью. Ему помнилось, что здесь всегда был небольшой замочек, собственно, всего лишь защелка. Эту защелку на двери он помнил еще с детства. Он осмотрел дверь, но не нашел никаких следов замка: ни отверстий от шурупов, ничего вообще. Однако, он был уверен, что еще вчера замок был на месте. Вчера дверь была заперта. С другой стороны, замок на деревянной двери не может исчезнуть так, чтобы не осталось следа. Хотя бы царапины на краске должны же быть!

– Или я схожу с ума, – сказал он, – или в этом доме происходят совсем уж странные вещи.

Впрочем, вскоре он перестал об этом думать.

Убитое им существо было невероятно сильным, и это давало Ложкину шанс. План был таков: для начала изготовить некоторое животное, например собаку, и использовать его своей для защиты. Как натуру можно взять Полкана, так даже удобнее, никто не удивится, откуда взялась собака. Такой зверь будет достаточно сильным, чтобы одолеть любого врага, или даже много врагов. Так можно выиграть время, а потом придумать что-нибудь более могучее. Более настоящее и более выигрышное. Без сомнения, кто-то сильно заинтересован в том, чтобы выдворить Ложкина отсюда – но он не уйдет. Теперь он ни за что не уйдет. Слишком уж много спрятано здесь под домом.

Но дело было не только в этом. Проклятие рода – вот что удерживало его здесь. Теперь, когда он убедился в правдивости того, о чем говорил дед, он знал, что проклятие рода реально. Так же реально, как спид, старческий маразм или раковая опухоль. Его дети будут умирать. Такие мягкие, теплые и доверчивые. Он был последним человеком в роду – а значит, последним, у кого был шанс что-нибудь изменить. Разбиться о землю, вывернуться на изнанку, свернуть горы, но изменить. Здесь, в Еламово, каждая вещь была наполнена памятью, налита памятью до краев, памятью тех дней, когда семья была велика, а люди в ней были веселы. Проклятие рода убивало не только детей.

Его двоюродный брат Яша скончался двадцати лет от роду от редкой нервной болезни. Тетка Арина, певунья и красавица, сошла с ума и утонула в реке. Ее муж, Алексей, крепко запил и замерз в одну из крутых зим, не сумев открыть дверь отмороженными пальцами. Пальцы смерзлись с ключом, когда Алексея откопали из-под снега. Еще один кузен, Андрей, скончался мгновенно, просто сидя на стуле и слушая радио. Его дочь обварилась кипятком, а сын объелся ядовитых грибов. Дядка Афанасий, худой и сильный, будто состоящий из одних стальных жил, попал под трактор, трактор вмял его в весенний чернозем и проехал сверху, а дядька прожил еще неделю. И сколько их еще было, друг за другом исчезающих, умирающих где-то вдали, так далеко и неудобно, что он даже ни разу не приезжал на похороны? А ведь Ложкин помнил каждого из них, помнил улыбки, любимые слова, помнил их шутки, песни, тяготы и надежды. Что происходит, когда умирает человек? Почему не рассыпается мир, неотъемлемой частью которого он был? Куда девается его тепло, его радость, его тоска?

Думая обо всем этом, Ложкин чувствовал, что на его плечах стоит перевернутая пирамида из тысяч и тысяч былых жизней; все те люди жили и любили только затем, чтобы однажды в мире появился он, неповторимый и единственный скульптор Ложкин, такой хороший и настоящий, – но однажды ведь и он умрет, и тогда окажется, что все эти люди жили зря. Жили напрасно, так же напрасно, как живут камни, косяки рыбы или облака. Поэтому Ложкин не мог уехать из Еламово, не сделав всего что можно или нельзя, чтобы уничтожить проклятие рода.

К тому же он чувствовал, что его отъезд ничего не изменит. Сбежать невозможно. Есть нить, невидимая пока, но слишком прочная, чтобы ее порвать, нить, которая всегда будет тянуться за ним. Нить, которая связывает его ночные кошмары, и реальное слово "убийца", появившееся на стене колодца.

Стоп, подумаем о приятном, – сказал он сам себе. – В твоём распоряжении целый мир, малыш.

Для начала, это мир нужно было изучить. Еще в полночь все казалось таким простым, но неудача с гномиками обескуражила Ложкина: он что-то не учел. Что? Рука ожила сразу же, но глиняные человечки оживать не хотели. Почему? Что нужно сделать, чтобы оживить глину? Просто вылепить форму? – этого недостаточно. Нужно еще и вдохнуть в эту форму жизнь. Но как это сделать? – Ложкин не знал ответа. Вдобавок, он серьезно побаивался того, что собака набросится на него самого. Почему бы и нет? – рука ведь набросилась. Проблем оставалось множество. Ложкин решил разрешать их по очереди. Для начала он снова отправился в подвал.

И он сразу же увидел, что на первой двери тоже исчез замок.

Это была уже не защелка. Это был отличный надежный кодовый замок, на который так надеялся дед. Очень прочный замок.

Ложкин осмотрел дверь и почувствовал холодок в груди. Осмотрел ее внимательно еще раз. На этой двери не просто не было замка – на ней никогда не было никакого замка! Никогда! Массивная дубовая дверь была совершенно целой, можно было проследить каждую прожилку на срезе дерева. Лак не был поцарапан, не осталось никаких следов толстых стальных болтов, которые еще недавно прошивали эту дверь насквозь. Дверная коробка тоже была издевательски целой. Деньги! – вспомнил Ложкин и подошел к сейфу.

Деньги были на месте, и замок сейфа не пострадал. Ложкин уже понимал, что его деньги в этом подвале, какие-то несчастные сорок тысяч долларов, есть ценность исчезающе малая, по сравнению с ценностью того, что скрыто за второй дверью. А значит, вторая дверь тоже будет не заперта.

Кто-то сумел проникнуть в подвал, неслышно снять замок и войти в тот мир, который Ложкин уже прочно считал своим собственным. Возможно, этот вор еще до сих пор там, может быть, он просто ждет Ложкина за второй дверью, или притаился на ступеньках с оружием в руке, – с оружием, почему бы и нет? Он, тот, кто проник сюда, знает, на что идет и за что рискует. Сюда проник враг. Сюда вошел чужой.

– Эй, – шепотом сказал Ложкин сам себе, – просто развернись и тихо уйди отсюда. Так ты хотя бы останешься жив.

Он еще немного постоял в нерешительности, потом подошел к ящику с инструментами. Взял топор. Взвесил его в руке. Не ахти какая штука, но башку проломит, если понадобится. Острый, недавно заточенный. Впрочем, если вор имеет пистолет, или что покруче, то я уже труп, – подумал он.

Несмотря на эту безрадостную мысль, он все же подошел ко второй двери. Вдохнул. Прислушался. Толкнул дверь и отскочил в сторону.

За дверью была тишина.

– Я идиот, – сказал Ложкин вслух. – Ни один человек не сумел бы снять замки, не повредив дверь.

Но от этой мысли Ложкина чуть не стошнило.

Здесь побывал не-человек.

Нечто пришло оттуда, безо всяких проблем и церемоний проникло сквозь запертые двери, играючи уничтожило тяжелые замки. Наверняка оно здесь, поблизости. И тяжелый топор против него – просто детская игрушка.

Он оглянулся. Толстые кирпичные стены подвала давили на него. Если кто-то убьет Ложкина здесь и сейчас, то труп может пролежать еще очень долго, пока люди спустятся и найдут его.

Он ждал, но ничего не происходило. Он явно ощущал присутствие чего-то чуждого, некой странной сущности а, с другой стороны, это могло быть просто причудой его воображения.

Итак, что мы имеем? – подумал он. – Попробуем рассуждать просто, алгоритмически, безо всяких эмоций. Замков нет, нечто оттуда сумело проникнуть сюда. Возможно, оно до сих пор здесь. Опасно ли это? – неизвестно. Эта штука уже десять раз могла бы меня убить, если бы хотела. Может быть, она попробует напасть на меня в будущем. Что мне делать сейчас? – для начала снова поставить замок. Хотя бы что-нибудь простое, хотя бы тяжелый засов, все, что угодно. Нужно запереть дверь между мирами, закрыть этот ход, иначе...

В сарае был большой тяжелый замок и достаточно инструментов, чтобы навесить его на дверь. Чем скорее это будет сделано, тем лучше.

Он работал лихорадочно, не попадая отверткой в прорезь шурупа, поминутно оглядываясь, потому что ему все время казалось, что кто-то смотрит на него сзади. Несколько раз он угодил молотком по пальцу. Наконец, дверь была заперта. Тяжелый амбарный замок висел на ней, огромный, черный, лишенный всякого изящества и надежности, замок, который наверняка можно открыть простой отмычкой или легко подобранным ключом, но – пока что дверь заперта.

Ложкин вздохнул с облегчением и посмотрел на свой разбитый палец. Нехорошо получилось. Пожалуй, будет слазить ноготь. Но все это мелочи, ведь главное сделано.

Он поднял глаза на дверь и обмер: замка снова не было. Толстые дубовые доски стали совершенно целыми, хотя Ложкин только что собственными руками долбил и сверлил их. Шурупы просто исчезли, вместе с металлическими скобами и самим замком. Исчез даже мусор на полу, стружки и опилки. Сейчас дверь снова была открыта, хотя секунду назад на ней висел тяжелый замок.

Все понятно, – заторможено подумал Ложкин, чувствуя в то же время, что ему абсолютно ничего не понятно. – Все понятно. Попробуем еще раз.

Но другого замка не нашлось ни в доме, ни в сарае. Ложкин надел темные очки, более или менее прикрывающие подбитый глаз, и отправился в магазин. Это был тот же самый магазин, где ему отказались продать колбасу. Здесь торговали чем попало, и металлическими изделиями в том числе. На самом деле, это был обыкновенный сельский магазинчик, случайно оказавшийся в черте города. К счастью, хозтоварами здесь занималась другая продавщица.

Ложкин выбрал четыре самых дорогих, больших и надежных замка, заплатил и ждал, пока девушка проверит наличие деталей и завернет товар. Честно говоря, он не надеялся, что замки удержатся на двери, но попробовать стоило. Хотя бы для чистоты эксперимента.

– Вы уверены, что это самые прочные замки? – спросил он продавщицу.

Та посмотрела на него и улыбнулась.

– Лучших у нас нет, – ответила она. – Но вам-то все равно.

– Почему? – удивился Ложкин.

– Ни один замок это не удержит.

– Что он не удержит?

– Вы прекрасно знаете, о чем я говорю. Замок не удержит ЭТО.

16. Это...

Это, чем бы оно ни было, просто не замечало всех его усилий. Продавщица оказалась права. Замки исчезали сразу же, как только Ложкин переставал на них смотреть. В конце концов, он почти смирился с таким положением вещей. Ничего страшного пока что не происходило. Вместо одной двери, которую невозможно запереть, теперь имелось две, то есть, три или даже четыре. Вот и все дело, собственно говоря.

Однако его тревожило приближение ночи. Если нечто все-таки выйдет из подвала, то это случится, скорее всего, ночью. В конце концов, зачем отпирать дверь, если ты не собираешься в нее входить? Если чудовище не вышло до сих пор, то что помешает ему появиться ночью? Сейчас, после того, как много часов упорного труда окончились ничем, он был почти уверен, что чужой все же придет. И эта мысль не оставляла его в покое.

Чтобы как-то убить тревогу, он попробовал рисовать. В чемодане имелись маркеры девятинадцати оттенками, отличный набор восковых карандашей, гуашь и масляные краски в тюбиках, которыми Ложкин пользовался крайне редко. Он стал рисовать, потому что это всегда расслабляло его и успокаивало. Конечно, он не был настоящим художником, ведь художник и скульптор это как орел и решка монеты – несоединяемое единство. Это как поэзия и проза. Невозможно быть и тем и другим одновременно. Но рисовать он умел неплохо. Лучшие его рисунки напоминали белый стих или старый французский верлибр в оригинале. Он позволил карандашу двигаться самостоятельно, импровизируя на тему абстрактных геометрических форм. Но расслабиться не удалось. Карандаш изобразил морду, похожую на лошадиную. А несколько минут спустя Ложкин изобразил чудовище целиком. Он смял лист и бросил его на пол: изображенный монстр выглядел слишком примитивно.

В течение следующего часа он нарисовал еще четырех странных чудовищ, причем все они получились неплохо и оригинально. Кто знает, может быть одно из них и придет ночью.

К вечеру он устал от всех бесполезных трудов и бесполезных мыслей. Кроме того, дело ведь стояло: он до сих пор совершенно не понимал, с чем именно имеет дело. Дед не сказал ничего конкретного, а сам Ложкин еще не видел ничего конкретного. Все его тревоги были беспредметны. Допустим, нечто выйдет из подземелья. Допустим, это случится в полночь. Будет ли это нечто животным, насекомым, инопланетной тварью или вообще мифическим существом? Будет ли оно агрессивно? Можно ли с ним сражаться, а если можно, то как? Как защититься от него?

Можно было фантазировать сколько угодно, но ответов у него не имелось. Поэтому, уже после шести, он пообедал на скорую руку, проверил часы и решил отправиться в свое первое более менее протяженное путешествие по новому миру. Он собирался углубиться километра на три и обязательно вернуться до заката. Время захода солнца он посмотрел в отрывном календаре.

Но перед тем, как войти в подвал, он выглянул через выбитое окно, чтобы на глаз оценить маршрут. Прямо посреди улицы стояла девочка-завод с закрытыми глазами, стояла неподвижно, как статуя.

– Эй, что ты делаешь? – крикнул Ложкин.

– Танцую, – ответила девочка.

– Как же можно танцевать, не двигая руками и ногами?

– А я танцую внутри, – ответила девочка, открыла глаза и отошла с дороги, – все, вы меня сбили, так не честно!

Девочка определенно была очень странной, странно говорила, странно двигалась, хотя в ее лице не было ничего такого, что всегда выдает болезнь, или хотя бы близость душевной

болезни. Выражение ее лица было и нормальным, и ненормальным одновременно, – будто ее внутренняя жизнь была перпендикулярна внутренней жизни обыкновенного ребенка. Ложкин решил подумать об этом на досуге. Он смутно чувствовал, что наткнулся на еще один маленький осколок той же тайны.

Маршрут, который выбрал Ложкин, был прост. Вначале он собирался пойти к лесу, потом мимо леса к реке, перейти через мост, а затем наверх, к меловому карьеру. Там с обрыва открывается чудесный вид на долину реки Восы. Видимость – километров пятнадцать. В детстве Ложкин любил сидеть там, глядя на закат и позволяя взгляду легко скользить над простором – до тех пор, пока в небе не обозначатся первые робкие, почти невидимые звезды.

Итак, он собирался вернуться до заката.

17. Вернуться до заката...

Вернуться до заката не составляло труда. Дорога была легкой и удобной, никаких приключений не ожидалось, и все же Ложкин спешил: дед не зря предупреждал об опасности ночи.

Первые странности начались тогда, когда Ложкин подошел к реке. На воде сидели утки, неподвижные, словно вырезанные из раскрашенного пенопласта. Поверхность воды рябила, но утки оставались на месте. Ложкин поднялся на мост и пригляделся к птицам внимательнее. Одна из уток была мертва, ее голова свесилась набок. Полуоткрытый клюв, мутные глаза.

Это представление было поставлено невидимым режиссером лично для Ложкина. Двадцать пять лет назад, проходя по этому мосту, он, бросил камень в стаю уток, и случайно убил одну: камень попал прямо в голову бедной птице. Ложкин никому и никогда не рассказывал о мертвой утке. Но вот, оказывается, время остановилось, и миг прождал четверть века, пока Ложкин удосужится взглянуть на него еще раз.

У него вдруг закружилась голова. Дело было не в глупых утках, и не в замершем мгновении: он услышал странный зов. Он обернулся и увидел небо, полыхающее над холмом. Небо горело сверхъестественным костром цвета. Небо звало его к себе, даже не небо, а сам цвет, невероятный цвет, божественный цвет, более чистый и яркий, чем само представление о чистоте и яркости.

Он взбежал на холм и остановился над меловым обрывом. Цвет был везде; цвет был вверху, внизу, вокруг него и внутри него. Ярче всего сияло вечернее небо и даль за рекой. Вдали цвет просто плыл, подобно тягучей жидкости, сквозь его ослепительное сияние на самом краю видимости медленно двигались какие-то крупные животные, напоминающие жирафов. Но это было не все: цвет усиливался. Это казалось невозможным, но с каждой секундой цвет становился все ярче. Ложкин увяз в нем, как муха в патоке. Кто-то другой внутри него видел, что время ускорило свой бег, и солнце слишком быстро стало опускаться к горизонту. Солнце все ускорялось, а сияние все усиливалось, оставаясь в то же время невыразимо приятным для глаз.

Собрав всю свою волю, точнее, тот блеклый пепел, который от нее остался, Ложкин поднял руку и посмотрел на часы. Циферблат его отрезвил: оказывается, уже сорок минут он простоял неподвижно на вершине холма над обрывом. Лишние сорок минут. А еще через сорок минут солнце сядет, и в этом мире начнется страшная ночь.

Он закрыл глаза, но сияние проникало даже через сомкнутые веки. Тогда он приложил к глазам ладони. Сразу же стало легче. Он повернулся, отсчитал сто шагов по склону, к счастью, не споткнувшись, затем бросился бежать.

Его длинная тень мелькала впереди, пока не исчезла, скрытая огромной тенью мелового холма. Он пробежал по мосту, грохоча по тонким доскам. Утки уже исчезли. Но когда он приблизился к лесу, поднялся встречный ветер. Ветер становился все сильнее и, даже когда дорога поворачивала, он все равно оставался встречным, поворачивая вместе с дорогой.

Вскоре ветер стал таким сильным, что бежать было просто невозможно. Ложкин остановился, и ветер остановился вместе с ним.

До захода солнца оставалось еще семнадцать минут. Очень хотелось пить, и рядом был колодец. Это означало бы задержку в пять или шесть минут. Нет.

Он снова бросился вперед, но мгновенный порыв ветра, плотного, как огромная подушка, сбил его с ног. Ложкин обернулся и увидел, что ветер смел весь песок и всю пыль с дороги, оставив лишь голые камни с редкими кустиками цепкой травы. Зато уже в метре от дороги лежала старая нетронутая пыль. Ложкин сделал прыжок в сторону и почувство-

вал, как мощный порыв ветра ударил его по ногам. Он поднялся; в двух метрах от него неслась бурлящая стена воздуха, вырывая из дорожки камни и поднимая их в воздух, вспахивая грунт, как бульдозер.

Когда он подбежал к дому и нырнул во двор, в доме напротив зажегся свет. Что бы это ни означало, Ложкин не хотел этого знать. Дом больше не был необитаем. И обитатели его вряд ли были людьми.

Вернувшись, он первым делом бросился к чемодану и достал оттуда пачку листов ватмана. Эти листы он обычно использовал для набросков. Память все еще хранила божественное сияние неба над холмом.

Сейчас он превзошел самого себя. Нечто постороннее водило его рукой. Не глядя, он хватал маркеры и карандаши, наносил мгновенные, катастрофически точные штрихи, отбрасывал, хватал новые. Казалось, что картина живет, что цвета движутся, текут вместе с опускающимся солнцем и медленно летящим облаком, опухшим от напора розового свечения. Наконец, он остановился.

Дальний зов все еще звучал. Ложкин понимал, что когда-нибудь он снова вернется на вершину холма, чтобы еще раз увидеть то же самое. Это неизбежно. Так выдуманный книжный преступник не может не вернуться на место преступления. Так рыба на тонкой леске еще несколько секунд может чувствовать себя свободной – до тех пор, пока стальной крюк не проколется ей череп и не потащит ее в котелок рыбака. Сегодня он чуть было не погиб. Но это не означало спасения. Это означало лишь только то, что казнь отложена.

Наконец его голова стала ясной и трезвой. Он устало поднялся из-за стола, набрал чашку воды и выпил. Оттолкнул ногой карандаши и маркеры, лежащие на полу. Что это было? – не более, чем пароксизм вдохновения. Картины, впрочем, удались. Но на листах лишь тень того, что он видел и что хотел передать.

За окнами была тьма. Ложкин посмотрел на часы и увидел, что время приближается к полуночи. Если нечто выйдет из подвала, то лучше всего ему это сделать прямо сейчас. Почему бы и нет? Отличный заголовок: "Гений задушен чудовищем, пришедшим в полночь". Бред, в самом деле. Надо выспаться. Утро вечера мудренее.

Он порылся в аптечке и с удовольствием обнаружил пластинку с зелеными пуговками элениума. Эта штука обязательно расслабит нервы и поможет уснуть. Он проглотил сразу три таблетки, не запивая водой. Затем, уже засыпая, долго пытался покормить упрямую птицу, которая отказывалась принимать корм. Впрочем, птица выглядела бодрой, не смотря на то, что уже давно ничего не ела. Птица научилась убегать от Ложкина, когда видела его идущим с ложкой корма или со шприцом, куда он набирал воду. Короткие до уродства лапы не позволяли ей быстро бегать по полу, но отлично поднимали ее по занавескам и другим вертикальным поверхностям. Намучившись с птицей, Ложкин махнул на все рукой и завалялся спать.

Спать – это сильно сказано. Несмотря на усталость и таблетки, глаза открывались снова и снова, а когда закрывались, перед ними ходили цветные круги, и пленки цвета немыслимой красоты вершили чудеса гармонии. Постепенно пленки развеялись. В комнате было темно, так темно, как бывает лишь на окраине маленьких городков, там, где натуральное ночное небо не подсвечено мириадами городских огней. В такой оглушительной темноте Ложкин не мог спать, – она будила его, как шум работающего отбойного молотка. Он включил свет, нашел ночник в виде голубой хрустальной бабочки, включил его, и окончательно провалился в сон. Но эта ночь только начиналась. Это будет непростая ночь.

18. Ночь...

Ночь была жуткой. Он проснулся от внутреннего ужаса, которому не было причины. Он боялся пошевелиться или открыть глаза. Он был уверен, что в комнате кто-то есть. Звук дыхания, может быть тишайше переступание с лапы на лапу. Медленно он приоткрыл глаза. Нечто стояло, склонившись над его постелью. Это нечто не было ни человеком, ни животным, но было столь ужасно, что Ложкин неожиданно для себя понял решение той задачи. Задачи, что так занимала его последние дни: он понял, как вдохнуть жизнь в комок глины.

Эмоция – вот в чем было дело. Глиняная рука ожила потому, что ее лепили пальцы скульптора, полного ярости и гнева. А гномиков он лепил тогда, когда окончательно успокоился. Поэтому гномики остались мертвы. Эмоция, вот что оживляет мертвую материю! Ярость, любовь или страх. Все это пронеслось мгновенной вспышкой в его голове; страх был так силен, что Ложкин не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Его тело отключилось, работали лишь глаза. И глаза видели черную слепую морду размером с большую дыню, с глубокими впадинами на месте глаз, с гладкой кожей. Голова нависала над кроватью Ложкина. Рост существа был метра полтора в холке. Его зубы несколько напоминали лошадиные, но ширина пасти была просто потрясающей.

Ложкин медленно повернул голову на подушке, стараясь не производить никакого шума. Существо было не одно. В стороне, освещенные голубоватым сиянием ночника, стояли еще двое таких же. Они явно были слепы и не столько нюхали, сколько слушали лежащего человека.

Когда Ложкин повернул голову, одно из них издало нечленораздельный звук. Ложкин вскочил и бросился к двери. Два существа, стоявшие в стороне, испуганно шарахнулись. Одно из них ударилось о стол и перевернуло его. Другое толкнуло головой ночник – и сразу же стало темно.

Он выскочил на улицу и побежал. Он бежал прочь от города, к черному ночному лесу, полному детских страхов, но не более того, ведь это был нормальный лес нормального человеческого мира, где нет ничего страшнее голодных комаров или пьяных местных уродов. Он был в брюках и в майке; к счастью, он так устал, что лег спать, почти не раздеваясь. Остаться голым в ночном лесу не так уж и весело, а возвращаться домой – весело, но не для тебя. Он ударил босую ногу о камень или корень и упал, слегка поранив плечо. Вокруг была темнота, нормальная темень знакомого мира. Тьма обнимала его, скрывая и защищая. Ночь была теплой и сухой. Орала бешеные сверчки, громкие как звон в ушах. Перекрикивались ночные птицы. Осторожно брали первые ноты комары. Кружилась голова, полная дурмана от принятых таблеток. Возвращаться домой до рассвета? – увы, нереально. Пойти куда-нибудь без денег и в таком виде? Нет, лучше спать здесь. Максимум, примут за бомжа.

Он вернулся домой только утром, продрогший и несчастный. В оврагах еще лежал туман, отдельными сгустками и рукавами, как облака, отдыхающие на земле. В страшном далеке перекрикивались пастухи, и их голоса были отчетливо слышны сквозь плотную тишину спящего мира. Поля, леса и дорога казались спокойными, как Атлантида на морском дне.

Ложкин возвращался. Только что ему в голову пришла мысль, которая, на самом деле, должна была прийти намного раньше. Если семейное проклятие касается не только маленьких детей, но и всех взрослых членов семьи, то оно прямо относится и к самому Андрею Ложкину, последнему из рода. Более того, только к нему проклятие и относится сейчас. Род убийцы должен быть истреблен, – это значит, что теперь должен быть уничтожен последний человек в роду, не больше и не меньше. Собственно, эта часть была не новой. Новым было другое: он понял, что погибнуть он должен именно здесь, в Еламово.

Как это произойдет, неважно: может быть, он обварится кипятком, съест ядовитый гриб или попадет под машину. Может быть, его убьют местные сивки, мнящие себя бдительными мафиози. Может быть, его убьет тот, кто выходит из подвала. Как бы то ни было, а конец близится. Столетняя трагедия шла именно к этому финалу. Очень логичному и красивому завершению.

От стараний Ложкина, как и от его невиновности здесь мало что зависело: умершие младенцы были еще более невинны, чем он. Тогда на что он надеется, оставаясь здесь?

Войдя во двор, Ложкин остановился. В самом деле, на что он надеется? Ведь он обречен, как теленок на бойне. Если он удерет, это отсрочит развязку, а если останется здесь...

— А ведь удрать-то мне не дадут, — сказал он тихо сам себе. — Если я все понял правильно, то ловушка захлопнулась. Боже мой, ЭТО меня не выпустит отсюда. Мне отсюда не уйти.

19. Уйти...

Уйти или не уйти, вот в чем был вопрос. Хотя бы попробовать. Жить-то всем хочется. Одно дело – несколько драчливых местных дурачков, более или менее опасных, а совсем другое – все то, что творится сейчас. Войдя в дом, он первым делом принялся листать тонкий журнал местного телефонного справочника. Потом позвонил на вокзал.

– На сегодня билетов в Москву нет, – ответил сонный женский голос.

– А в Воронеж? – наугад спросил Ложкин.

– Билетов нет никуда. В связи с перестройкой железнодорожного узла поезда в Еламово пока останавливаться не будут.

– Но это бред! – возмутился Ложкин. – Этого не может быть! Я хочу уехать отсюда!

– Обратитесь в справочную автовокзала.

Он обратился. Единственный автовокзал в городе не работал, по причине сезонных полевых работ: все автобусы перевозили работников в поле и обратно.

Конечно, существовали и другие способы убраться из городка, на автобусах и поездах свет клином не сошелся. В сарае стоял мотоцикл и два хороших горных байка, в рабочем состоянии. Допустим. Допустим, что мотоцикл может и не поехать, но что может произойти с велосипедом?

Да все, что угодно. Ложкин чувствовал, что та сила, которая противостоит ему сейчас, легко справится и с велосипедом, и с чем угодно другим. Если уж она сумела отрезать от мира целый город с пятнадцатью тысячами населения, и это в начале двадцать первого века, она не проколется на мелочах.

Вдруг он успокоился. Он останется здесь и будет драться. Драться за себя и за свой род, за всех нерожденных, которые придут за ним. Мужчина он или нет? К концу концов, что такое смерть? Всего лишь разрушение иллюзий, как сказал дед. Тридцать три года он надеялся найти в жизни что-то такое, ради чего стоит жить – и вот, так ничего и не нашел. Разве что это мгновение, этот первый солнечный луч, вошедший в окно, проколовший сумрак, свист стрижей на улице, дальний крик петуха, тяжесть в голове, боль пореза на босой ноге и капля чего-то иррационального, прочно склеивающая все это вместе, делающая миг прекрасным...

Телефон звонил долго, прежде чем он решился протянуть руку к трубке. Он ожидал чего угодно: угроз, требований, но не этого. Чистый, приятный женский голос произносил слова с закругленными интонациями.

– Нет, что ты, – ответил Ложкин, – я уже давно не сплю.

– У нас ведь почти деревня, – говорила Валя, – мы привыкли вставать рано.

Он вспомнил женщину, с которой говорил у магазина, ту самую, что когда-то была влюблена в него. Он запомнил ее так хорошо, что легко мог бы нарисовать сейчас ее портрет – по памяти и по голосу. Такой голос не забывается.

– Я хочу извиниться за брата, – сказала Валя.

– За брата? – удивился Ложкин.

– А, так ты не знаешь? Он мой брат. Тот человек, который вломился к тебе.

– Он был не один.

– Он был высокий и самый сильный из них. Они его называют Бес. Просто потому, что наша фамилия Бессоновы. Я понимаю, что они вошли без приглашения, сорвали замок, избили тебя, все это попадает под статью. Или даже под несколько. Но ты должен понять.

– Я должен понять? Может быть, еще пойти и пожать им передние лапы, а потом пригласить в дом?

– Он очень болен, – сказала Валя.

– Выглядел он здоровым, как слон.

– Он психически болен. Шесть лет назад у него была тяжелая травма головы, после которой он едва выжил. У него до сих пор на голове огромный шрам. С тех пор он не может себя нормально вести. Я поговорила с ним, и он согласился к тебе пока не приставать. Но ты тоже не должен затевать скандала по поводу... По поводу того, что случилось.

– Пока не приставать? – возмутился Ложкин. – Сколько времени будет длиться это твое "пока"?

– Я ничего не могу гарантировать. Он очень больной человек и не может контролировать себя. Он хочет, но не может. Я живу с этим уже шесть лет. Это на самом деле очень трудно. Внутри он хороший, но может сделать все, что угодно.

– Все?

– Абсолютно все. Он мог тебя даже убить, и я очень рада, что этого не случилось. Ты понимаешь?

– Я понимаю, – сказал Ложкин.

– Так что же? Мы договорились, что ничего не было, правильно?

– Мне страшно.

– Ты боишься его?

– Нет, не его.

– Тогда это не телефонный разговор, – сказала она. – Если хочешь, я сейчас приду. Мне идти всего-то пять минут. Подожди меня. Я не прощаюсь.

Она повесила трубку.

Ложкин прошел в спальню и осмотрелся. Стулья и стол были перевернуты, бумаги рассыпаны по полу, ночник разбит. Он ощутил отчетливую иглу жути, вошедшую где-то между сердцем и желудком, когда вспомнил свой вчерашний побег. Но было и еще что-то, что-то определенно очень важное, что необходимо вспомнить...

Вот. Он вспомнил. Вспомнил, как испуганно шарахнулись в сторону слепые животные, когда слышали его шаги. Не только он боялся вчера ночью. Его гости тоже были не в себе. Так не ведет себя хищник, который пришел убить. Кого же боялись они?

20. Они...

Они оба смутились при встрече. Что произошло со времени их последнего разговора на крыльце магазина, даже со времени их последнего разговора по телефону, что-то такое, что не давало просто и спокойно взглянуть в глаза друг другу, задать стандартные вопросы и услышать стандартные ответы, проделывая это с такой безразличной непринужденностью, к какой вытирают пальцы бумажной салфеткой. Что-то встало между ними, и Ложкин еще просто не успел понять, хорошо это или плохо. Валя первая отвела глаза.

– Здравствуй еще раз, – сказала она. – Господи, какой у тебя беспорядок!

– Кофе будешь?

– Какой там кофе, в нашей дыре гоняют только чай с вишневым вареньем.

– Чаю у меня нет.

– И не надо, я уже наелась как корова. Сперва нужно здесь убрать.

– Нет, не нужно, – смутился Ложкин.

– Нужно. Неизвестно, когда в следующий раз сюда заглянет женщина.

– Я тебе помогу.

– Скорее уж бегемот из зоопарка мне поможет. Подними стол и убирайся. Кстати, где веник?

– Не знаю.

– Найду сама.

Она справилась быстро. Ложкин сидел на диване, не зная, куда себя деть.

– Вот, детство вспомнила, – сказала Валя. – Как будто сбросила годков десять. Сколько раз я подметала этот противный пол, ты не представляешь. У тебя тут ничего не изменилось. Хлам поновее, но все равно хлам. Ты хотел мне что-то сказать?

– Сказать? Нет, ничего.

– Тогда говори.

– Что говорить?

– Что хочешь, дубина ты тоскливая, это я ласково, не обижайся. Говори что хочешь, только не молчи. Откуда бы ты ни начал, все равно придешь к тому, что надо.

– Я боюсь.

– Уже лучше. Боишься того, что в доме?

– Да. Я боюсь оставаться здесь и боюсь уехать.

– Очень боишься?

– Пока терпимо. Но когда наступит ночь, я не знаю, я не знаю, что будет, когда наступит ночь.

– Ты боишься умереть?

– Нет. Скорее всего, нет. Не сегодняшней ночью. Они приходили не для того, чтобы убить.

– Я понимаю, – сказала Валя. – Ты знаешь, страх это такая вещь, которая делает тебя крепче, если только не ломает. Я знаю это, мне приходилось много бояться. Используй свой страх, может быть, ты победишь. Не позволяй себя сломать.

– Почему ты мне поверила? – спросил Ложкин.

– Я видела их следы, когда убирала в комнате. Их было трое, и они выпачкали лапы в глине.

* * *

День уже начинал клониться к вечеру. Все это время Ложкин не мог заниматься решительно ничем. Часовая стрелка переползала с единицы на двойку, затем на тройку, на четверку. Ночь приближалась, неотвратимая и страшная. Чтобы как-то сбить напряжение ожидания, Ложкин решил прокатиться на велосипеде.

В сарае стояло два байка, красный и фиолетовый, но у красного оказалась спущенной передняя шина, а насоса в доме не нашлось. Пришлось взять фиолетовый. Велосипед был отличным, шел легко и свободно. По ровному шоссе на таком аппарате можно гнать под сорок километров в час.

Он пощелкал переключателями скоростей и выставил максимальную, несмотря на то, что дорога шла чуть-чуть в гору. Мышцы ног работали на пределе, но усталости не ощущалось. За последние два дня Ложкин еще больше похудел, хотя жало сморва ему уже не помогало. Процесс продолжался: его тело постепенно становилось таким же сильным, сухим и жилистым, каким было тело деда. Раньше Ложкин не любил ездить на велосипеде: он быстро уставал, а через пять – десять минут езды начинало покалывать сердце. Сейчас сердце вело себя так, как будто его не было вовсе; оно не болело, не стучало, не гнало кровь в голову бешеными толчками, не сбивалась с ритма. Ложкин выехал на окружную дорогу и еще ускорился. Спидометр показывал сорок шесть километров в час. Ветер бил в лицо. При первой же возможности он свернул влево и помчался прочь от города.

Вскоре он заметил, что с велосипедом творится что-то неладное. Он начал подозрительно скрипеть, а педали вращались все туже. Скорость упала до двадцати и продолжала уменьшаться. Затем, с громким скрипом, педали застопорились. Ложкин выругался и слез с седла. Слева и справа от дороги раскинулся молодой яблоневый сад. Табличка невдалеке показывала триста тридцать шестой километр, неизвестно от какой точки отсчитанный. Воняло азотом, видимо, где-то поблизости вносили удобрения.

Он развернул велосипед и потащил его обратно. Произошедшее его устраивало. Во-первых, подтвердилась его теория о том, что сбежать из города невозможно. Во-вторых, добраться домой он сумеет лишь к утру. Только до окружной отсюда километров десять или двенадцать, а колеса велосипеда практически не вращаются. На самом деле он не собирался уезжать из города, он хотел просто попробовать.

После того, как он протащил велосипед метров сто, колеса снова начали вращаться. Он сразу же развернулся на сто восемьдесят, и погнал прочь от города. Но далеко он не уехал. После третьего повторения он смирился. Велосипед ехал в одну сторону и категорически отказывался ехать в другую. Можно было бы попробовать просто бросить велосипед и пойти пешком, но Ложкин не хотел, чтобы ему заклинило коленный сустав.

В половине восьмого он снова был дома, совершенно не уставший, несмотря на долгую прогулку. Он поставил байк в сарай и вошел в мрачный молчаливый холл. С высокого потолка свисали четыре люстры на длинных шнурах. На одной из них сидела черная птица.

– Чижик, цып-цып! – позвал Ложкин.

Птица взглянула на него удивленным глазом. Хотя Чижик абсолютно ничего не ел, чувствовал он себя превосходно. Его здоровье настолько поправилось, что он смог даже взлететь на люстру.

– Ну что, Чижик, – сказал Ложкин, – кажется, пора нам с тобой приготовиться. Сегодня ночью у нас опять будут гости.

21. Гости...

Гости, которые придут этой ночью, должны быть встречены особенным образом. Лучшая защита – это нападение. В этот раз Ложкин не собирался убегать. Совсем наоборот.

Ложкин выглянул на улицу, убедился, что солнце еще не скрылось за горизонтом, затем спустился в подвал и проверил наличие замков. Замки не появились, значит, сегодняшней ночью они опять придут. Ну что же, отлично, придется использовать свой страх.

Он вошел в спальню, развернул стол так, чтобы дверь оказалась позади сидящего человека, затем поставил на стол большое зеркало, снятое со стены. Его пришлось подпереть двумя стопками книг. После этого расставил свечи: три справа и три слева. Принес глину и инструменты. Подумал и на всякий случай сходил за топором. Все же топор это холодное оружие. С ним чувствуешь себя увереннее. Лезвие топора зачем-то было отлично заточено, так, что можно палец порезать. В доме имелась еще и охотничья винтовка (в окрестных лесах было полно живности – от зайца до кабана и косули), но Ложкин понятия не имел, как с нею обращаться.

Ложкин взял последний из замков и снова отправился в подвал. Запереть дверь снаружи не получится, в этом он не сомневался, но есть шанс запереть ее изнутри. В этом случае ночные гости, проникшие сюда, окажутся запертыми в этом мире. Они не сумеют вернуться в ночь.

Я поймаю их, – думал он, – сегодня я поймаю их. Сегодня они окажутся в моих руках. Мышка все-таки сумела поставить капкан коту. Трем большим слепым котам, которые приходят незваными по ночам. Что я с ними сделаю? – посмотрим. Скорее всего, они просто умрут с наступлением утра. По крайней мере, я посмотрю, что у них внутри и как они устроены.

Он положил часы так, чтобы все время видеть циферблат, и начал работать. Это был уже пятый замок, который он ставил на дверь, поэтому Ложкин работал быстро и уверенно. Он чувствовал себя почти мастером. Кажется, что сейчас он смог бы поставить замок и в полной темноте.

Но, как только он подумал об этом, погас свет. Ложкин обернулся. Ерунда, – сказал он сам себе, – всего лишь перегорела лампочка, может же она, в конце концов, перегореть? – Позади него был пустой коридор, который заканчивался ступенями, ведущими вверх. Там, вверху, оставалась открытой дверь, выводящая прямо в другой мир, и сквозь нее проникал тусклый свет. Это было довольно удобно; теперь Ложкин мог не опасаться нападения сзади: как только кто-нибудь или что-нибудь покажется в дверном проеме, оно перекроет свет своим телом, и Ложкин это сразу увидит. У него будет время убраться отсюда. Он нащупал пальцами очередной шуруп и продолжал работу. Свет постепенно мерк, приближалась ночь.

Еще до наступления полной темноты замок стоял на своем месте.

Ложкин закрыл глаза и посчитал до десяти. Замок не исчез.

То-то же! Он закрыл глаза еще раз и теперь собирался сосчитать до тридцати, просто на всякий случай.

На счете двадцать семь чужая рука коснулась его спины.

Он вскрикнул и бросился вперед, ударившись о дверь.

В этот момент свет снова включился.

В коридоре никого не было, совсем никого. На ступеньках, которые всегда оставались пыльными, отпечатались странные следы, которые могли бы принадлежать, например, змее или большой ящерице.

Замок все же не исчез. Ладно, можете меня пугать сколько хотите! Сегодня ночью мы посмотрим, кто кого, – подумал Ложкин.

Он вернулся в спальню, зажег свечи и сел перед зеркалом. В темной глубине отражалась его лицо, которое казалось чужим. Может быть, дело в том, что за неделю Ложкин сбросил четырнадцать килограмм, и теперь его никто не назвал бы полным. Изменилось и выражение лица. Ложкин часто рисовал автопортреты и имел их двадцать четыре или двадцать пять. На всех портретах его лицо выходило слегка встревоженным, одухотворенным, немного смущенным. Скорее лицо юноши, чем мужчины, – того вечного юноши, которого вечно питают надежды. Сейчас в глазах не было ни смущения, ни тревоги. Был, впрочем страх, тяжелый, уверенный, темный страх, как у бойца перед заведомо смертельным боем. Подрагивала нижняя губа, и с этим Ложкин ничего не мог поделать. В зрачках струились огоньки свечей. Лицо было красивым, загорелым и небритым. Сейчас Ложкин нравился сам себе.

Он начал работать. Глина жила в его пальцах. Казалось, что ее мягкие скользкие комки сами тянутся к нужному месту. Он работал быстро и очень качественно. Лицо, постепенно прорастающее сквозь глину, было его настоящим лицом – лицом того человека, которым он всегда хотел быть. Это был не просто автопортрет, это был настоящий Ложкин, более настоящий, чем тот, кто сейчас сидел за столом и лепил, хотя и не очень похожий на него. Это было более глубокое проникновение в реальность, в тот ее слой, что не виден обыкновенному зрению. И даже дальше, далеко за этот слой, – куда-то в бесконечность трансцендентальных теней, живущих собственными жизнями. Так сильно он еще никогда не лепил. Это было не вдохновение, это был смерч.

Но с каждой минутой он чувствовал, как нарастает напряжение. Напряжение просто висело в воздухе, оседало на шторах голубыми кристаллами, колебало огни свечей. Используй свой страх, малыш, используй свой страх! Может быть, сейчас они выходят из подвала. Может быть, сейчас они уже поднимаются по лестнице. Может быть, сейчас уже стоят за дверью. Может быть, сейчас они тихо войдут, и Ложкин увидит в серебряной тьме зазеркалья силуэты их слепых морд. Сейчас, через десять минут или через час – они обязательно появятся, обязательно войдут и станут позади него, прислушиваясь. Он увидит огромные дыры на месте их глаз, услышит их тяжелое медленное дыхание, вдохнет их запах, одновременно и похожий и непохожий на запах зверя. Кто они такие? Почему они приходят? Чего хотят, чего боятся? Что гонит их сюда, какая сила? Знают ли они, что я устроил им ловушку, что я хочу их просто убить? Просто уничтожить? Знают ли они, что такое смерть, что такое страх смерти, что такое мучение? Почему они слепы? Может быть, им так же страшно, как и мне, или еще страшнее?

Он услышал их издалека. То ли они двигались слишком шумно, то ли его слух сверхъестественно обострился от долгого ожидания. Он услышал, как они вышли из подвала и медленно пошли по дому. В этот момент глиняное лицо под его пальцами впервые шевельнулось: начала дрожать нижняя губа и на шее забился пульс. Глаза были еще мертвы. Ложкин прекратил лепить. Его пальцы словно одеревенели. Еще минута – и они войдут. Если эмоция оживляет глину, то эта голова должна стать живее всех живых. Это не просто эмоция, это шок, это почти в обморок. Его зрачки в зеркале стали такими большими, что...

И вдруг они вошли.

В этот миг голова на столе ожила.

Тишина мгновенно сменилась воплем. Голова не просто ожила; она начала орать от ужаса. Она орала не переставая, орала, срывая голос, хрипло, по-звериному, с подвыванием, срываясь на визг. Этот вопль просто парализовал Ложкина; он чувствовал себя мухой упавшей в мед, и безостановочный вопль был этим медом. В зеркале перед собой он видел, как

три существа приближаются к нему сзади, медленно переставляя лапы, он видел, как блестит пот на их голых, обтянутых тонкой кожей, черепах...

Он взял топор, встал и обернулся. Пришельцы расступились. Боже, кто они? Трое испуганных ночных гостей, которые пришли к нему, так же, как сто лет назад трое чужаков пришли к его предку? Пришли с миром и с дарами? Неужели? Неужели они продолжают приходиться до сих пор, искаженные до неузнаваемости временем и тысячью смертей? – Сколько раз их убивали за это столетие? Они отвратительны и страшны, но они жалки и беспомощны. Их убивал мой дед, убивал мой прадед и прапрадед. Вечно возвращающиеся фантомы того первого убийства? Теперь они ждут, чтобы их убил я? Так ли это? Что случится с ними, если я не пушу их обратно? Умрут ли они сами, или мне придется зарубить каждого из них? Насколько долгой будет их агония?

– Кыш! – закричал Ложкин и замахнулся топором, хотя пришельцы не могли его видеть. Вряд ли они могли его и слышать, потому что вопли глиняной головы звучали, как сирена. – Уходите назад, проклятые!

Существа стояли в нерешительности. Казалось, они не понимали, что происходит.

– Хорошо, – сказал Ложкин и, преодолевая страх и отвращение, толкнул ближайшего. Тот пошатнулся, дернулся назад, побежал, ударился в стену и прижался к ней, дрожа.

Крики глиняной головы стали немного тише.

– Сегодня вы мои гости, – сказал Ложкин. – Я вас не обижу. Давайте пройдем в столовую, я вас покормлю, напою и не стану задерживать, если вы захотите уйти. Что вы едите? У меня есть молоко. Его пьют даже змеи. Надеюсь, оно вам придется по вкусу. Хорошо?

Существа стали выходить из комнаты, пятясь. Когда Ложкин вышел вслед за ними, то никого не увидел. Гости исчезли, как будто растворились в воздухе. Хорошо это или плохо? Они отказались от приглашения? Был ли он прощен? Придут ли они следующей ночью?

Голова продолжала орать. С этим нужно было что-то делать, и чем скорее, тем лучше. Эти душераздирающие вопли слышны за несколько кварталов. Это укрепляет мою славу колдуна, но даже не в этом дело, – думал он, – просто любой из соседей, разбуженный криком, может элементарно вызвать милицию. Что я буду объяснять в этом случае?

Наконец, он решился. Впрочем, это было даже не убийство, – это был акт милосердия. В голосе головы был такой ужас, а в ее глазах просто запредельное страдание, что оставить ее жить было просто невозможно. Ложкин занес топор, но не смог его опустить. Сходил на кухню, глотнул пива из горлышка. Нет, с этим все-таки пора кончать.

Со второй попытки ему удалось это. Топор раскроил глиняную голову почти пополам. Крики стихли, и сразу стало легче, как будто поблизости выключили отбойный молоток. Крови, как и в прошлый раз, было много, но Ложкин надеялся, что она исчезнет к утру, превратившись в мелкий песок или черепки. Впрочем, здесь ничего нельзя знать заранее.

Голова была прекрасна даже сейчас, с топором, всаженным в нее по самое топориче. Но сейчас это была совсем другая скульптура.

Он задул свечи, одну за другой, а потом включил свет. От его страха не осталось и следа. Только сейчас он заметил, что свечи, горевшие несколько часов, остались целыми, ничуть не укоротившись.

В комнату вошла птица, ковыляя на коротких лапах. Вошла, и погрузила клюв в лужицу крови.

А ты ведь хищник, Чижик.

22. Чижик...

Чижик начинал его раздражать. Эта потусторонняя птица приобрела привычку ходить за Ложкиным по пятам. Кроме того, она взбиралась на стол, когда Ложкин садился есть. Она сидела и внимательно смотрела на него, наклонив голову. Причем это был не просто глупый куриный взгляд, как у большинства птиц, и не любящий взгляд домашнего питомца. Так сытый лев смотрит на кусок мяса, – однажды подумал Ложкин и с тех пор никак не мог отделаться от этой мысли. Все же, Чижик был хищником. Кто знает, чем это все закончится?

С утра глиняная голова понравилась Ложкину еще больше. Отлично схваченное выражение безмерного ужаса жило в каждой ее черточке, а всаженный топор только дополнял впечатление. Осталось лишь назвать композицию, потом вынуть топор, обжечь голову в печи, вставить топор на место. В принципе, скульптурой такого уровня может гордиться любой европейский музей. Но, к сожалению, путь туда так долог, что все лучше успевает умереть, не добравшись. Стоит подумать о названии. Например: "Иллюзия убийства". Почему иллюзия? Да просто так, ведь любое название это иллюзия, просто трюк, жест фокусника. Название должно давать не смысл, а иллюзию сопричастности. Поэтому сойдет. Стоит заняться завтраком.

И он занялся завтраком. Настроение было отличным. За пару дней он, в плане творчества, сумел прыгнуть выше своей головы, сумел превзойти все то, что было сделано им за четверть века. И это только начало. Только начало. Совсем не обязательно использовать свой страх. Можно использовать любую эмоцию. Например, превосходное настроение сегодняшнего утра.

Подумав, он решил, что лучше всего под настроение подходит обезьяна. Небольшая, ради его собственной безопасности, мартышка. Впрочем, глиняная рука вела себя смирно до тех пор, пока Ложкин не начал резать ее ножом. Надо признать, что это было ошибкой. Впредь Ложкин не собирался резать или убивать другими способами ни одно из глиняных созданий.

Он начал лепить сразу же после завтрака и закончил фигурку за два часа. Зверек ожил без проблем; глина не требовала ни предварительной просушки, ни обжига. Мартышка казалась совершенно настоящей. Она взобралась на шкаф и начала громко тарыхтеть на обезьяньем языке. У нее была шерсть и когти, она умела показывать язык, – хотя ни шерсти, ни когтей, ни языка Ложкин не лепил. Скорее всего, – думал он, – как только фигура достаточно определилась и стала соответствовать некоей матрице, включился механизм превращения, изменяющий не только структуру, но и форму. Совершенно необязательно дорабатывать детали. Нужно просто поймать суть. Поймать суть – не в это ли смысл искусства? И не это ли самое трудное?

Потом он пошел в душ, и его отличное настроение сразу улетучилась. Он посмотрел в зеркало на свое голое тело. Во-первых, оно было все в синяках и царапинах. Синяк под глазом почти исчез, как-то слишком быстро, но зато остальные выглядели удручающе. А во вторых, на всем теле, исключая руки, лицо и грудь, образовались странно знакомые язвочки, красные с ямкой посредине.

Похожая язва появлялась на его груди тогда, когда он прикладывал к ней жало сморва. Но жало давно уничтожено, а новых язвочек на теле не меньше сотни. Значит, жало тут не при чем. Тогда что это? Кожная болезнь? Лишай или грибок, подхваченный в том мире, в мире за незакрывающейся дверью? Если так, то в мире людей лекарство может и не найтись. Ложкин содрогнулся, подумав об этом. Даже мурашки забегали по коже. А если это посерьезнее, чем лишай или грибок? Например, сифилис, проказа, сибирская язва или что-то совершенно дьявольское? Там ведь могут существовать бактерии и вирусы, неизвестные

здесь. Оттуда может прийти не только ночной монстр, но и эпидемия. Что делать в этом случае?

Он выключил душ, вытерся, а потом спрятал полотенце в пластиковый мешок. Кто знает, может быть, придется проводить анализ, – и на полотенце сохранится возбудитель болезни. Сев на пол у окна, он стал внимательно разглядывать свое колено, на котором было пять одинаковых маленьких язв.

Нет, это не похоже на кожную болезнь, – подумал он. – Просто потому, что все язвочки одинаковы. При болезни они должны расти и созревать, а эти выглядят так, словно кто-то буравчиком выбрал кусочек плоти. Можно даже разглядеть дырочку, темную нить, которая тянется в глубину. Больше всего это похоже на укусы насекомых. Это уже легче. Какой-нибудь особенный клоп, которого я подцепил в том мире и принес сюда. Теперь он сосет мою кровь. И быстро размножается. Язвочек слишком много даже для самого прожорливого клопа. Тоже ничего хорошего. Они разведутся здесь и полезут в соседние дома. А здесь станет просто невозможно жить. Интересно, чем травят клопов? Я никогда этого не делал.

Ложкин перевернул матрас и подушку и не нашел ничего похожего на клопа. Зато на простыне были капли крови. Возможно, он просто перевернулся и раздавил комара. А потом еще одного комара. Может быть, да, а может быть, и нет.

Он перекусил и снова принялся за работу. Ему казалось, что он уже поймал то настроение, при котором глина оживет. Особый модус волнения или возбуждения, который трудно описать словами – просто потому, что никто и никогда не придумывал для этого соответствующих слов. Так же как есть всего семь слов для обозначения цветов (плюс три или четыре сотни художественных терминов), а глаз воспринимает миллионы оттенков, так же существуют миллионы эмоций и состояний души, не обозначенных до сих пор. Многие не будут обозначены никогда. Итак, он лепил снова.

Голова, которую он изготовил, на этот раз не была автопортретом. Но она не была и абстракцией. Свое новое творение Ложкин заранее обозначил словом "собеседник". Лицо обыкновенного мужчины средних лет, не слишком худого и не слишком толстого, не слишком умного и не слишком глупого (почти по Гоголю, которого Ложкин любил перечитывать зимними вечерами), без особых достоинств, но и без многих обыкновенных человеческих недостатков. Совсем не сложная задача, с которой Ложкин справился быстро и без труда.

Голова открыла глаза и несколько раз мигнула.

– Здравсте, – сказал Ложкин неуверенно.

– Здравсте, – ответила голова. – С кем имею честь?

– Андрей Ложкин, первый человек, сотворивший искусственный интеллект.

– Это тянет на Нобелевскую, – заметила голова. – Как вам это удалось?

– Обсудим это в следующий раз. У меня встречный вопрос. С кем я имею честь?

– Собеседник. Просто Собеседник, – вежливо ответила голова. – Собеседник, и ничего больше.

Ложкин неловко замолчал. Он не знал, о чем говорить дальше.

– Отличная погода, – заметил Собеседник.

– Да, неплохая.

– Ведь сейчас лето, правильно?

– Июль, – ответил Ложкин, – двадцать третье число.

– Да, интересно, интересно. Очень интересно. А какой нынче год на дворе?

– Две тысячи пятый.

– Невероятно! Надеюсь, от рождества Христова?

– Разумеется.

– Очень интересно. А как же вам удалось сотворить искусственный интеллект?

– Я создал голову, которая заговорила.

– Меня, что ли? – удивился Собеседник.

– Вот именно.

– Должен вас разочаровать, молодой человек. Интеллекта во мне – ни на грош. Стандартные энциклопедические знания, в основном Брокгауз и Эфрон, умение поддержать светский разговор, простые эмоциональные реакции, – это все. Я живу на уровне рефлексов. И это мне нравится, милостивый государь!

Лицо Собеседника расплылось в безмятежной улыбке.

– Милостивый государь? – удивился Ложкин. – Почему вы меня так называли? Вы из какого века пришли?

– Я был спроектирован сто один год назад, – ответил Собеседник, – но с тех пор моя память периодически пополнялась новыми сведениями. Я знаю о полетах в космос и даже об американской программе исследования Марса.

– Но я создал вас только сегодня!

– Ошибаетесь, молодой человек. Вы всего лишь активировали меня. Человеку не под силу создать столь совершенное устройство.

– То есть, вы робот?

– Ни в коем случае. Я организм, существующий в единственном экземпляре. Организм и вид организмов одновременно.

– Кто создал вас? – спросил Ложкин.

– О, я не уполномочен отвечать на этот вопрос. Разумеется, меня создал разум, бесконечно более высокий, чем ваш. И я был создан не на Земле. И даже не в этой галактике.

– Тогда как вы оказались здесь?

– Я был привезен в подарок.

– Сколько других существ, подобных вам, было привезено в подарок?

– Бесконечное количество. Мощности нашего множества равна кубу мощности множества рациональных чисел, помноженному на удвоенный корень из двух.

– То есть, может воплотиться любая фигура, какую бы я ни вылепил.

Собеседник задумался.

– Не совсем. Существуют исключения. Например, никогда не воплотится фигура беременной женщины. Это связано с неопределенностью личности ребенка.

Они говорили еще долго, но ничего интересного Ложкин больше не узнал. Наконец, Собеседник утомился и попросил накрыть его непрозрачной тряпкой и отнести в тихое помещение.

– Вы не задохнетесь? – поинтересовался Ложкин.

– Нет, я ведь не дышу, – ответил Собеседник.

Часов около четырех Ложкин услышал лай Полкана, и через минуту в дом вошел тот, кого меньше всего хотелось бы видеть. Вошел громадный мужчина со вдавленным лицом. Тот самый, который прижимал вилы к животу Ложкина. Бес.

– Так, я понял, моя сестра была здесь, – сказал Бес, снял майку и повязал ее себе на голову.

– Она приходила извиняться за тебя, – ответил Ложкин.

– Извиняться за меня? Большой чуши я не слышал!

Бес поднял стул и грохнул его о стену с такой силой, что в руках у него осталась только спинка. Потом ударил этой спинкой по телевизору, который взорвался стеклянными брызгами.

– А за это она извинялась? – продолжил Бес, взял вешалку для одежды в виде металлической трубы с ножками и крючками и согнул ее пополам.

Потом он оттолкнул Ложкина и стал бегать по комнате кругами, по пути переворачивая все подряд. Остановился, набрал горсть стеклянных осколков и принялся их жевать. Осколки сочно хрустели, как хорошее зеленое яблоко. Затем он засмеялся; его рот был полон крови.

– Она не хотела, чтобы я обращался в милицию, – сказал Ложкин.

– Ага. Она была у тебя ночью, и ты с ней спал.

– Ничего подобного.

– А мне все равно, с кем она спит. Хоть с твоей собакой. Но только не с тобой!

Он погрозил Ложкину пальцем, выплюнул стекло и засмеялся опять.

– Я же сказал тебе, полудурок, что между нами ничего нет.

– Как ты меня назвал?

– Полудурок, – повторил Ложкин.

– Это правильно. Такой я и есть. Так говоришь, что между вами ничего нет? Ну нет, так и нет, теперь и не будет. Сейчас я начну тебя убивать.

Ложкин поднял спинку стула и разломал ее надвое. Сейчас у него в руках оказалась небольшая, но увесистая дубинка. В доме было два стационарных телефона и мобильник – но все на втором этаже.

Бес стянул майку с головы, скрутил в жгут и протянул перед собой.

– Ты будешь со мной драться, да? – спросил он и двинулся к Ложкину.

Ложкин ударил дубинкой, но попал лишь по ткани, которая мягко спружинила. Попробовал еще раз и с тем же результатом.

– Давай я закрою глаза, – сказал Бес, – а ты попробуй в меня попасть.

И он закрыл глаза.

Ложкин попытался ударить его сбоку, целясь по ребрам, но Бес подставил ткань, быстрым, почти неуловимым движением закрутил ее вокруг дубинки и дернул. Ложкин остался безоружным. Бес все еще не открывал глаз.

– Как, легко меня ударить?

Ложкин поднял вторую половину спинки стула и изо всех сил трахнул Беса по голове. Тот пошатнулся и выронил майку. Открыл глаза.

– Ты ударил меня по голове? – удивленно спросил он. – Ты посмел ударить меня по голове? Никогда этого не делай!

И он свалился, сочно ударившись лицом о пол.

Через пять минут он открыл глаза. Его руки и ноги были надежно связаны бельевой веревкой.

– И что ты будешь делать дальше? – спросил Бес. – Убьешь меня или возьмешь в плен? Ты читал Женевскую конвенцию?

– Я всего лишь вызову милицию.

– Ну и что? Двое мужиков подрались из-за бабы. Причем я защищал сестру. Это нормально, это все поймут. А приезжих у нас не любят, это тебе менты сразу расскажут. Тут тебе не столица, тут все свои, все родичи. А еще у меня есть справка о том, что я псих. Я приду завтра и повешу тебя на твоей же люстре. На той же самой веревке, которой ты меня связал. Но вначале выколю правый глаз.

– Допустим. А если я тебя отпущу?

– Тогда я сделаю то же самое, – сказал Бес. – Но только раньше. Выбирай!

И он начал орать песню о том, как пробежал по городу олень. Ложкин обошел его длинные ноги и стал подниматься по лестнице. Когда песня об олене оборвалась, он обернулся и увидел, что Бес старательно грызет веревку, которой связаны его руки.

Он стоял у телефона в нерешительности. Затем поднял трубку, но не стал набирать номер. Его взгляд упал на Собеседника, прикрытого черной тканью.

– Снимите с меня тряпку, – попросил Собеседник.

- Что мне делать?
- На вашем месте я бы пообещал ему два дня.
- В каком смысле?
- Я бы пообещал, что уеду через два дня. Он бы успокоился и ушел.
- Это сработает?
- Скорее всего, нет. Но можно попробовать.
- Я попробую.

Бес уже перегрыз веревку, и его руки были свободны. Он все еще продолжал сидеть в той же позе, как замороженный глядя на большую черную птицу, сидящую перед ним. В его глазах был истинный, неподдельный ужас. Так смотрят на синих демонов, которые мерещатся во время белой горячки. А Чирик спокойно чистил перышки.

- Я обещаю, что уеду через два дня, – сказал Ложкин.
- Оно живет у тебя в доме, – лунатически ответил Бес, не сводя глаз с птицы.
- Чирик? Да, уже давно.
- Значит, и ты тоже?..
- Что я тоже? – не понял Ложкин.
- Убери его от меня! – завопил Бес. – Путь оно улетит! А-а-а-а!

Чирик взглянул на него, перестал чистить перышки и отодвинулся, почти презрительно. Это слегка успокоило Беса. Он перестал орать.

- Ладно, – сказал он. – Уезжай через два дня, если сможешь.

– Я ведь не могу сейчас. Поезда не останавливаются, автобусы не ходят, а машины у меня нет. Велосипед и тот сломался.

– Я сказал, уезжай через два дня. Как хочешь, но чтоб тебя здесь не было. Когда я приду в следующий раз, оно тебе не поможет!

- Ты имеешь в виду Чирика? – удивился Ложкин.
- Чирика? Ты называешь ЭТО Чириком?

Бес расхохотался. Потом стал распутывать узлы, стягивавшие его ноги. Поднялся, взял майку, начал натягивать на свою потную грудь.

- До свидания, – сказал Ложкин.

– До скорого свидания. Я ничего не имею против тебя лично. Мне тебя даже жаль. Но пойми меня правильно. Ты должен исчезнуть. Поэтому ты исчезнешь. И еще один совет, напоследок, – держись подальше от своего Чирика!

И он ушел, сопровождаемый лаем Полкана.

Чирик спокойно чистил перышки. Ложкин приблизился к нему с некоторой опаской. Птица как птица. Ничего страшного в ней нет и быть не может. Не такая уж и большая, весит килограмма два, ну, не больше трех. Длинные крылья, приспособленные для быстрого лета. Широкий короткий клюв с загнутым кончиком говорит о том, что Чирик питается мясом. Короткие лапки с сильными когтями означают, что птица приспособлена висеть на вертикальных поверхностях и, скорее всего, роет норы, как ласточки-береговушки. Красивые черные лоснящиеся перья. Глаза блестящие, как бусинки, и без зрачков. Никакого вреда такое слабое создание причинить не может. Максимум – больно укусит. Может быть, птица ядовита? Но это чушь, ядовитыми бывают только змеи, жабы и пауки. Кто слышал о ядовитых птицах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.